

Целую ручки

Автор:

Наталья Нестерова

Целую ручки

Наталья Нестерова

Молодой журналист Антон Белугин лелеет мечту стать писателем. Забыть про поденщину в скучной газете и создать произведение, которое оставит след в читательских умах и сердцах! Жаль только, никто не воспринимает его всерьез. Но судьба однажды дарит Антону невероятный шанс, теперь-то он своего не упустит! Загадочная состоятельная особа, чтобы увековечить память о трагически погибшем супруге, заказывает книгу об этом достойном человеке. Антону обещают карт-бланш, его ждут солидный гонорар и слава! Но для начала биографу предстоит встретиться со всеми женщинами, которым герой перевернул жизнь, – такое странное требование выдвинула эксцентричная вдова. Антон соглашается, даже не предполагая, во что ввязывается...

Наталья Нестерова

Целую ручки

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Литературный наемник

Молодой журналист Антон Белугин лелеял мечту стать писателем. Забыть про поденщину в областной газете и создать произведение, которое оставит след в читательских умах и сердцах. Антон грезил о литературной славе и полагал, что имеет для нее все данные, а именно большой талант. Газетная статья живет один день, а хотелось оставить памятник если не на века, то на десятилетия. Еще больше хотелось сейчас, сегодня купаться в лучах популярности. Но журналистика давала средства к существованию, а писательская доля непредсказуема. Работа в газете отнимала все силы без остатка, и творческие намерения пока не находили воплощения, потому что времени на них не оставалось. Антон жил «завтраками» – завтра, в выходные, во время отпуска засяду за Книгу. Но завтрашним вечером его смаривало за компьютером, и он засыпал носом в клавиатуру. В выходные было дежурство в газете, или день рождения друга, или приезжала мама, или нужно было нестись на другой конец города, чтобы доставить бабушке лекарство. Хотя Антон не собирался связывать себя брачными узами, пока не написана Книга, узы небрачные с представительницами противоположного пола имелись, как без них. А это тоже требовало времени, сил и вдохновения, пусть не литературного, а иного свойства.

С другой стороны, возраст поджимал – Антону уже исполнилось двадцать шесть. Самая пора для славы, не в сорок же лет, стариком, известностью наслаждаться. Антон был хорошим репортером: умел раскопать фактуру, обладал бойким пером. Но из-за комплекса несостоявшегося писателя его часто заносило в литературные красоты, которые заводелом безжалостно вычеркивал. Статьи от этого становились только лучше, но Антону, естественно, казалось, что его режут по живому. Заводелом Олег Павлович периодически ложился в больницу с обострявшейся язвой желудка, Антон замещал его и давал волю своей беллетристической фантазии. В материале о нелегкой судьбе фермера появлялись «кроваво-красный закат» и «грозные фиолетовые облака, несущиеся над невспаханном поле», а в заметке про открывшуюся мини-пекарню свежие булки сравнивались с персями юной девы. Заводелом звонил в редакцию и просил остановить Белугу. Но его просьбы зам главного редактора игнорировал, потешаясь над залихватскими метафорами Антона Белугина, а главный редактор не всегда прочитывал весь номер, идущий в печать.

После статьи о реорганизации отдела внутренних дел милиционеры, с недавних пор переименованные в полицейских, грозили набить Антону морду. За портреты – Антон дал словесные портреты каждому из стражей порядка. Больше всех обиделся милицейско-полицейский начальник с «лицом Сократа, утомленного рутиной». Чем ему Сократ не угодил?

Антон раздумывал: броситься за помощью к Палычу, который уже выписался из больницы и досиживал дома последние деньки, или написать статью о том, как в их городе зажимают свободу прессы. Забота о собственной безопасности взяла верх, Антон позвонил своему руководителю, тот после морали на тему «газета – не литературная помойка» обещал урегулировать проблему. Теперь Антон ждал ответного звонка и, когда телефон затренькал, быстро схватил трубку. Но вместо прокуренного мужского баса услышал мягкий вкрадчивый женский голос:

– Добрый день! Могу я поговорить с Антоном Белугиным?

– Это я.

– Здравствуйте, Антон!

– Добрый вечер!

Женщина замолчала, и Антон поторопил:

– Алло?

– Меня зовут Полина Геннадьевна.

И снова пауза.

– Я вас слушаю, – поерзал на стуле Антон.

– Хотела бы обратиться к вам с просьбой.

Опять выжидательное молчание.

– Слушаю, – повторил Антон.

– Речь идет о литературном труде.

Пауза.

- Да? - Антон начал терять терпение.

- Книга воспоминаний об одном прекрасном человеке.

Антон скривился. Прекрасных усопших людей много, но это не значит, что каждый из них достоин увековечения. Таково мнение издательств да и Антона тоже.

- Ваш труд будет хорошо оплачен, - сказала Полина Геннадьевна.

Это меняло дело.

- Что вы называете «хорошо»? - уточнил Антон.

- Давайте обсудим детали при личном свидании? Вы свободны сегодня вечером?

- К сожалению, занят. Пишу срочный материал в номер.

Антон лукавил. На самом деле он боялся выйти на улицу до разговора с начальником. За порогом его вполне могли ожидать недовольные своими словесными портретами служители закона.

- Завтра утром? - предложила Полина Геннадьевна. - В десять?

- Лучше в одиннадцать.

- Хорошо. Бар в гостинице «Европейская», завтра в одиннадцать.

- Как я вас узнаю?

- Вы меня узнаете.

Прежде чем она отключилась, Антон уловил самодовольный смешок.

Он еще два часа играл на компьютере, потом не выдержал и позвонил сам:

- Палыч? Как мои дела?

- Паршиво, Белугин. Менты требуют опровержения.

- Какого опровержения? - возмутился Антон. - Совсем офонарели?

- Задача не из легких, - согласился Палыч и зашуршал газетой, которую, видимо, держал перед собой. - Не напишешь же ты, что Игнатов вовсе не утомленный Сократ, а Кривцов совсем не похож на председателя колхоза советских времен, у Геворкяна не лицо юного романтика, а Шмарин никак не походит на артиста Вицина.

Антон был настолько испуган и взволнован, что не улавливал иронии в голосе заведомом, не понимал, что тот куражится.

- Нарушение свободы прессы! - кипятился Антон. - Беспредел!

- Белугин, Белугин, - попенял Олег Павлович. - Сколько раз тебе повторять: свобода прессы - это не отсебятина, которую несет каждый молокосос, дорвавшийся до газетной полосы. Ладно, не дрейфь, выходи из дома. Не тронут тебя, простили, я договорился.

На свидание с Полиной Геннадьевной Антон опоздал не потому, что набивал себе цену. Антон опаздывал всегда и всюду. В баре были заняты три столика. За двумя сидели парочки, за третьим - одинокая дама, поманившая Антона и показавшая на свободный стул.

- Извините, не мог вырваться раньше, - повинулся Антон.

- Ничего.

И замолчала, посмотрела в сторону, точно давая Антону возможность хорошенько себя рассмотреть.

Полина Геннадьевна относилась к тем женщинам без возраста, которых Антон называл «гладкими». У них были лица неестественной гладкости – без морщинок, без следов давних юношеских прыщей, без малейших огрехов на мраморной коже. Словно они каждое утро утюжили свои щеки и лоб горячим утюгом. Руки всегда холеные, со свежим маникюром, прически обманчиво простые и небрежные. Одежда и обувь выглядят как впервые надетые.

Антон заказал у подошедшего официанта кофе и сделал вывод, что гладкая Полина Геннадьевна не из бедных. Интересно, что ей взбренило? Еще при телефонном разговоре Антон отметил странную манеру дамы держать паузу после каждого предложения. Хотите играть в молчанку? Пожалуйста. Антон выразительно посмотрел на часы.

Полина Геннадьевна заговорила:

– Несколько дней назад я потеряла мужа.

– Примите мои соболезнования. Могу я узнать фамилию вашего супруга?

– Игнат Владимирович Куститский.

Антон нахмурился, припоминая, и покачал головой: о таком человеке он не слышал.

– Мы живем в Москве, – уточнила Полина Геннадьевна.

Хотя она была одета в черное глухое платье, на безутешную вдову никак не походила. Нитка белого жемчуга на груди, серьги и кольцо с жемчужинами придавали ей вид дамы, нарядившейся для приема и случайно заглянувшей в кафешку.

Полина Геннадьевна смотрела Антону прямо в глаза, он подумал, что грозному взгляду милиционера-Сократа далеко до этой женщины с лазерным прицелом темно-карих глаз.

– Мне хотелось бы, – произнесла Полина Геннадьевна, – чтобы все, что вы услышите, о чем я попрошу, оставалось строго между нами. Это понятно?

– Понятно. Однако я не знаю, о чем, собственно, идет речь.

Антон поежился, взгляд Полины Геннадьевны, казалось, прожигал его черепную коробку и шарил в мозгу. Антон всегда плохо переносил, когда ему смотрели прямо в глаза, не выдерживал зрительной дуэли.

– Конфиденциальность – первое и главное условие, – повторила Полина Геннадьевна.

– Я усвоил.

– Надеюсь. Мой муж богатый и успешный человек... был, – запнулась Полина Геннадьевна. – О его смерти мало кто знает, обстоятельства держат в секрете.

Пауза. Антон мысленно принялся считать: «Один, два, три...» На седьмой секунде Полина Геннадьевна продолжила:

– Его гибель нелепа и трагична. Во время сафари в Южной Африке Игнат Владимирович попал в район вспышки чумы. Вся экспедиция погибла, тела погрузили в яму с известью и закопали. Чтобы не сеять панику, чтобы не вспыхнула эпидемия, до полной санации территории Всемирная организация здравоохранения наложила вето на любую информацию об этой трагедии.

– Еще раз примите соболезнования.

– Спасибо. Я переживаю большую драму.

С такой же невозмутимостью она могла бы сказать: «Вчера был дождь».

«Наверное, смерть супруга ей только на руку», – подумал Антон и переждал очередное молчание.

– Мне хотелось бы, чтобы об Игнате Владимировиче была написана книга воспоминаний, за которую я предлагаю вам взяться.

– И опубликована? – быстро спросил Антон.

– Вначале посмотрим, какого качества будет представленный вами материал, – ушла от прямого ответа Куститская. – Впрочем, независимо от качества, но при солидном объеме вы получите свой гонорар. Две тысячи долларов сейчас и три тысячи по завершении работы.

Антон постарался скрыть, как порадовала его сумма. Но у него плохо получилось сохранить невозмутимость. Выдали алчный блеск в глазах и мгновенно появившееся напряжение в теле.

– Многих людей требуется проинтервьюировать? – Антон изобразил задумчивость.

– Трех.

– Всего лишь? – невольно удивился Антон.

– Но это должны быть не краткие отписки, а развернутый рассказ каждой.

– Каждой? – переспросил Антон.

– Вам предстоит встретиться с тремя дамами: предыдущими женами Игната Владимировича и его любовницей.

Энтузиазм Антона заметно притух. Копаться в бабских склоках? Антон скривился, а Полина Геннадьевна впервые улыбнулась. И сразу стало заметно, что она немолода, – на глянцевої коже проступили трещинки тонких морщин в уголках глаз и вокруг рта.

– Вы подумали о женских расправах? – спросила Полина Геннадьевна. – Напрасно. Я не держу зла на этих женщин или на супруга. Он был человеком, которому простишь и старые браки, и эскадрон любовниц. Вам предстоит заочно познакомиться с уникальной личностью. Да и кто, как не старые подруги, лучше знают душу мужчины? Что бы мне дали воспоминания друзей и соратников? Общие слова, штампованные фразы. Их еще предстоит услышать на церемонии похорон.

– Что хоронить-то будете? – вырвался у Антона невольный вопрос.

– Гроб, содержимое которого позвольте не уточнять. Дорогие мне и мужу вещи, скажем так.

– Ясно, – заверил Антон, которому многое было неясно, да и само задание, хоть и хорошо оплачиваемое, было странным.

– Возможно, вы расценили мою просьбу как вдовью блажь. Но это не так. Я обрел утешение, перечитывая воспоминания женщин, чьи судьбы переплелись с моей судьбой.

«Хорошенькое утешение», – подумал Антон.

– Вы еще очень молоды, Антон, и не подозреваете, сколь замысловаты бывают для женщины пути выхода из глубочайшей депрессии. Монашек называют невестами Христа. Пусть вам не покажется кощунственным, но все мы, женщины, которых любил Игнат, – его невесты.

«В порядке ли у этой невесты с головой?» – спросил себя Антон.

– Согласны взяться за эту работу? – Полина Геннадьевна опять включила лазерные прицелы зрачков.

– Не знаю, – задумчиво протянул Антон.

– Тогда забудьте об этом разговоре, – отрезала Полина Геннадьевна и мгновенно потеряла интерес к Антону.

Она потянулась за сумочкой. Не демонстрировала разочарование или презрение, а просто не видела Антона, точно его не существовало и стул напротив был пуст.

– Погодите, вы меня неправильно поняли. Я не отказываюсь, просто не понимаю, как это технически возможно.

– От вас и не требовалось бы что-либо понимать, – Полина Геннадьевна нехотя повернула к нему голову. – Технические моменты мною продуманы. Забыла упомянуть еще о премии в размере ста процентов, пяти тысяч долларов, выплачиваемой за оперативность.

Антон не заметил, как из персоны, которую сватают, превратился в просителя, клянчащего о работе. Хотя его не покидало ощущение нереальности происходящего, десять тысяч долларов завораживали и манили. Можно забыть о газетной поденщине и приняться за свою Книгу!

– Хорошо, – кивнула Полина Геннадьевна в ответ на пламенные уверения Антона в том, что прекрасно справится с заданием. – Надеюсь не ошибиться в вас. Теперь детали.

Две из трех женщин: супруги номер один и номер два проживали в том же городе, что и Антон, в Багрове. Любовница – в Москве. Полина Геннадьевна поставила жесткие сроки: неделя, максимум десять дней, в противном случае премия отменяется. Через десять дней в Москве Антон должен был отдать Полине Геннадьевне пленки с записями интервью и расшифрованные тексты. Как бывалый журналист, Антон выторговал суточные, по пятьдесят долларов в день, и квартирные – оплату проживания в четырехзвездочной столичной гостинице. При расставании Полина Геннадьевна вручила ему конверт с авансом и номер своего сотового телефона.

Вернувшись в редакцию, Антон первым делом залез в Интернет, чтобы разузнать об Игнате Владимировиче Куститском. Сведения были крайне скупы. Как понял Антон, супруги Куститские владели холдингом, группой компаний, держались в тени и не засвечивались. Информация о смерти Куститского отсутствовала, но про чуму в Африке было несколько невнятных сообщений.

Спортсменка

Голосом Копеляна Штирлиц в «Семнадцати мгновениях весны» рассуждает о том, как важно разведчику войти в разговор и выйти из него. Журналисты отчасти те же шпионы, и Антону требовалось установить доверительный контакт с интервьюируемым, чтобы получить побольше информации. Но финал разговора значения не имел – хоть поганой метлой пусть выметают после своих откровений. Наличие телефонов исключало визит без предварительной договоренности. Свалиться как снег на голову Антон не мог. Женщина борщ варит или смотрит любимый сериал, ради которого не оторвется пожар гасить, а

тут ты заявляешься со своими вопросами. Да и вообще на незваных гостей смотрят с подозрением, если это не участковый милиционер или не сосед по дому. Возможно, разводился Куститский со скандалами, и бывшие жены вспоминать о нем не захотят, пошлют Антона подальше. На этот случай он придумал несколько вариантов затравки. Но с первой женщиной хитрость не понадобилась.

Набрав номер, услышав ответ, Антон придал своему голосу максимальную вежливость:

- Добрый вечер! Не мог бы я поговорить с Оксаной Федоровной?

- Ну! - последовал грубый ответ.

- Еще раз добрый вечер! Меня зовут Антон.

- Ну?

- Оксана Федоровна, у меня к вам поручение от Игната Владимировича Куститского.

- Что ему надо?

«Ему ничего уже не надо», - подумал Антон, а вслух сказал:

- Видите ли, это деликатное поручение. Не могли бы вы уделить мне полчаса своего времени?

Ответом были шуршание и приглушенные крики. Оксана Федоровна, догадался Антон, закрыла микрофон рукой и на кого-то вопила. Антон выбрал неподходящий момент. Однако на всякий случай спросил:

- Не возражаете, если я сейчас к вам подъеду? Или завтра в любое удобное для вас время?

- Что? - не поняла собеседница, опять прикрыла микрофон и забубнила на повышенных тонах.

- Благодарю! Через пятнадцать минут буду у вас.

Он быстро положил трубку, чтобы не услышать отказ. Даже если он приедет не вовремя, хотя бы познакомится. Только если повезет, с первой попытки удастся скачать много информации. Зато при втором свидании человек уже как бы знакомый, с ним держатся раскованнее.

Антону открыла дверь могучая женщина - на голову выше его и на полцентнера толще. Домашнее платье обтягивало ее, как оболочка сардельку. Лицо женщины было красным, потным и злым.

- Оксана Федоровна? Это я вам звонил.

- Ну?

«Богатый словарный запас», - подумал Антон.

Оксана Федоровна, судя по всему, не собиралась приглашать Антона в квартиру.

- Не могли бы вы уделить мне десять минут? - попросил он. - Мою миссию неудобно исполнять на пороге.

На лице женщины отразилось сомнение, но после секундного размышления она все-таки пригласила:

- Проходите.

Антон усиленно зашаркал подошвами ботинок о коврик. Предложит ли тапки? Некоторые женщины терпеть не могут, когда по их квартире ходят в уличной обуви.

Оксана Федоровна переобуться не предложила, прошла в гостиную, Антон за ней. Обстановка гостиной: полированная мебельная стенка, телевизор в углу, диван, покрытый пледом, два кресла, журнальный столик - говорила о том, что хозяева двадцать лет назад могли позволить себе купить дорогие вещи, а ныне считают копейки. Антон сел на диван, Оксана Федоровна в кресло.

– Слушаю вас, – сказала она.

Но на самом деле не слушала. Ее внимание было обращено к тому, что происходило в соседней комнате. Оксана Федоровна напоминала героев фильма «Солярис», которые, разговаривая с прилетевшим на станцию Банионисом, все время косились в сторону своих жилищ, где завелась чертовщина.

Чертовщина Оксаны Федоровны появилась в дверях, не успел Антон рта открыть. Пацан лет десяти.

– У меня задача не сходитя! – объявил он, с интересом разглядывая Антона.

– Я тебе покажу «не сходитя»! – закричала Оксана Федоровна. – У тебя всегда «не сходитя», изверг! Иди решай!

– Сын? – грубо польстил Антон, когда мальчишка скрылся.

– Внук.

Вопрос Оксане Федоровне понравился. Как всякой бабушке, ей нравилось, когда ее принимали за мать. Хотя Оксану Федоровну можно было принять только за мать, родившую после пенсии. Оксана Федоровна улыбнулась, и сразу стало ясно, что она относится к тем крикливым и шумным женщинам, которые клянут детей или внуков, но на поверку души в них не чают.

– Так что вы мне хотели сказать?

– Антон.

– Да, Антон?

– К сожалению, я должен сообщить, что Игнат Владимирович умер.

Заказчица не предупредила, можно ли открывать интервьюируемым женщинам факт смерти Куститского при драматических обстоятельствах. Антон специально не уточнял, ведь чума в Африке и яма с известью могли произвести шокирующее впечатление и сделать дам разговорчивее. Он в красках описал

преждевременную гибель Игната Владимировича за тысячи верст от родной земли.

– Ай-я-я-я-яй! – сочувственно мотала головой Оксана Федоровна.

Она сморщилась, точно желая выдавить слезу, но скорбь ее была неискренней. Так на похоронах часто можно увидеть людей, по сути равнодушных к чужому горю, но пришедших отдать долг памяти: периодически они надевают на лицо маску скорби, а через минуту на их лицах уже отражаются раздумья о собственных проблемах.

– Отпевали? – спросила Оксана Федоровна.

– Кого? – глупо уточнил Антон и мысленно себя одернул.

– Игната отпевали? В последнее время, говорят, он стал религиозным.

– А раньше таким не был? – поспешил спросить Антон, в задачу которого входило как можно больше узнать о «раньше».

Бабушка не успела ответить, в дверях опять возник внук:

– Задача не решается.

С лица Оксаны Федоровны мигом сдуло печаль.

– Будешь решать до посинения, ирод!

«Ирод не даст поговорить, – сообразил Антон. – Надо нейтрализовать».

– Позвольте, я помогу ребенку? – поднялся Антон.

– Как-то неудобно, – с сомнением, но и с надеждой произнесла Оксана Федоровна.

– Да я с удовольствием, – заверил Антон.

В комнате мальчишки Антон сел за его стол, спросил, какая задачка, быстро решил ее на бумажке – переписывай. Пацан вредно заметил, что еще три примера заданы. Антон решил примеры.

– И по русскому упражнение, – не преминул воспользоваться случаем юный нахал.

– Давай по русскому. Что тут? Вставить безударные гласные. Карандашом впишу, потом ластиком сотрешь.

– А проверочные слова?

– Сам придумашь. Как твоего дедушку звали? Игнат?

– Не.

– Что «не»? Как звали?

– Никак, он умер.

– Ну и логика, математик! До смерти его как-то звали?

– До смерти звали, кажется, Яшей или Петей. У вас в кармане плеер?

Рассмотрел, наглец! В кармане у Антона лежал цифровой диктофон с чувствительным микрофоном. Предупредить Оксану Федоровну о том, что их разговор записывается, было бы глупо.

– Плеер, – соврал Антон. – Дай нам с бабушкой поговорить, не высовывайся и получишь сто рублей.

– Сколько не высовываться?

– Пока не дам отмашку.

– Тогда двести рублей.

– Далеко пойдешь, эрудит. Сиди и не плачь!

Оксана Федоровна ждала Антона на кухне, заварила чай и поставила на стол вазочки с вареньем. Хороший знак.

Антон принялся нахваливать внука Оксаны Федоровны, мол, способный мальчик и развитый. Оксана Федоровна была явно польщена, хотя и возражала. Она рассказала о том, что воспитывает внука с пеленок, что намучилась с ним, а мать с отцом только нос ему вытирают да балуют.

– Это внук Игната Владимировича? – на всякий случай уточнил Антон.

– Нет, с Игнатом у нас детей не было. А со вторым мужем двое, сын и дочь. Внук от дочери. Родился слабеньким...

На протяжении всего дальнейшего разговора Оксана Федоровна постоянно скатывалась на обсуждение внука, который был смыслом ее существования, горем и гордостью. Антон невольно вспомнил анекдот про сексуально озабоченного мужика, который на всякой картинке – что бы ни было на ней изображено: горы, леса или поля – видел голую бабу. Так и Оксана Федоровна любую тему могла притянуть к ненаглядному внуку. Жизненный опыт еще не подсказывал Антону, что эмоциональные, бурно реагирующие на события и обстоятельства люди часто обладают короткой памятью. Они могут биться в истерике, вовлекая сочувствующих, однако через полгода не вспомнят ни саму истерику, ни повод к ней. Их волнуют сегодняшние чувства, а вчерашние быстро стираются. Эта особенность – неотъемлемая черта характера, с которой бороться бесполезно, как бесполезно советовать человеку сменить цвет глаз. Но Антон посчитал, что у Оксаны Федоровны налицо психические возрастные изменения: что она впала в маразм и в мозгу у нее осталась одна работающая извилина под названием «дорогой внучок». Антону приходилось настойчиво возвращать Оксану Федоровну к предмету своего интереса, старательно скрывая, что на внучка ему чихать.

Легенда Антона заключалась в том, что он-де знал Куститского в последние годы, очень уважал и хотел бы узнать, каким Игнат Владимирович был в детстве, в юности.

- Лучшим, главным, - после небольшого раздумья сказала Оксана Федоровна.

- Стремился быть лидером? - уточнил Антон.

- Нет, стремился, чтобы у него было все самое лучшее, особенно тряпки.

- Какие тряпки? - не понял Антон.

- Брюки в смысле джинсов или рубашки.

«В смысле батников», - мысленно закончил Антон.

- Игнат прямо болел, если кто-то другой имел сумку или магнитофон лучше, чем у него. Родителей изводил, а в старших классах подрабатывал на рынке у грузин, мы тогда всех кавказцев грузинами называли, чтобы свои деньги иметь. Он и за мной бегал, я думаю, поэтому. Мы в одном классе учились.

Антон не уловил связи между модными вещами, нехваткой финансов и одноклассницей, но на всякий случай отвесил толстой растрепе Оксане Федоровне комплимент:

- За вами, наверное, все бегали! Да и сейчас! - игриво погрозил он пальчиком.

- Скажете! - отмахнулась польщенная Оксана Федоровна.

- Неужели вы ровесники с Игнатом Владимировичем? Я думал, он старше.

- Мы оба с пятидесятого года.

- Значит, он бегал за вами, ухлестывал?

- Я ведь плаванием занималась, членом молодежной сборной была, олимпийский резерв. Внука вот в секцию записала, хорошие результаты показывает...

Антон мягко, но решительно увел Оксану Федоровну от попытки в очередной раз повернуть разговор на внука.

Девочка Оксана была не только звездой школы, но и городской знаменитостью. Она редко посещала школу, ездила на сборы, на соревнования, в том числе и за границу, что по тем временам было большой редкостью. Заграница существовала на телеэкране – в «Клубе кинопутешественников». Учиться Оксана толком не училась, но ее переводили из класса в класс, закрыв глаза на реальную успеваемость и рисуя «тройки» в табеле. Зато одета Оксана всегда была с иголочки, во все импортное, гоняла во рту жвачки и хвасталась, что пила кока-колу в Болгарии. Восьмиклассница, она щеголяла в синем шерстяном спортивном костюме с белой полоской по воротнику и надписью большими буквами «СССР» на спине. Школьный учитель физкультуры зубами скрипел от зависти, что уж о детях говорить. Игнат Куститский взял Оксану в плотную осаду. Когда Оксана приезжала домой, он утром прибежал к ее подъезду, вместе шли в школу, после занятий провожал домой, делал за нее уроки, водил в кино и на танцы. Во время сборов и соревнований Оксана получала от Игната письма и открытки. Девочки из сборной о такой любви только мечтали. Оксана, конечно, привозила Игнату сувениры и подарки. Но постепенно он внушил ей мысль, что лучше не тратиться на мелочи, а везти что-то стоящее. Так у него появились джинсовый костюм, магнитофон, импортные сигареты. Все спортсмены понемногу фарцевали, то есть спекулировали заграничными вещами. Оксана была исключением, везла шмотки Игнату, часто в ущерб собственному гардеробу. Ей очень нравилось его имя. В их поколении все мальчишки были Сашами, Володями и Сережами. Мода на старые русские имена еще не пришла. Мальчишка Ивана все дразнили в классе дураком. А Игнат – это звучало твердо, властно и необычно.

Они поженились, когда Игнат учился на втором курсе политехнического института, а Оксану взяли в сборную Союза. Она вырвалась на свадьбу между соревнованиями на кубок ЦСКА и чемпионатом Европы. Оксану тренер обещал устроить в Ленинградский институт физкультуры, но расписание соревнований пока складывалось неудачно для поступления. По сути, Оксана хорошо не знала Игната ни до замужества, ни после, ведь их общение бывало редким и коротким. Зато веселым и безоблачным, каждый ее приезд – праздник. Бабушку Игната переселили к родителям, и у молодых появилась своя отдельная квартира. Золотая курочка Оксана исправно несла яйца, хранил ли ей верность Игнат, неизвестно. Сплетников Оксана слушать решительно отказывалась, муж был к

ней внимателен, ласков и предупредителен.

Безмятежная жизнь продлилась всего два года и кончилась по нелепой случайности – Оксана упала на скользком кафеле в бассейне и раздробила копчик и крестец. Ее долго лечили, сделали несколько операций. И, хотя Оксана не стала инвалидом, о плавании пришлось забыть. Рухнув со спортивного олимпа, девушка оказалась в пустоте – ни образования, ни профессии, ни денег. Один свет в окошке – Игнат. Но скоро и этот луч померк: Игнат объявил, что любит другую девушку, эта девушка ждет ребенка. У порядочного человека в данной ситуации только один выход.

– Если можешь, прости меня.

Последнюю фразу Оксана расценила как покаянную мольбу. На самом деле в полном варианте мысль Игната звучала так: «Если можешь, прости меня, если не можешь, твои проблемы. Целую ручки!» Оксана никогда не умела читать между строк, улавливать подтексты и оттенки в чужих речах. Сама человек искренний, она и других не подозревала в коварстве. И даже когда Игнат попросил ее поскорее съехать с квартиры, нисколько не обиделась. Ведь новой молодой семье надо где-то жить. А она, Оксана, вернется в родной дом, где, кроме мамы, еще два брата с женами и детьми.

Оксана всегда любила цирк. Ее восхищала физическая сила, безукоризненная координация циркачей. Оксана-спортсменка представляла, какой труд стоит за полетами воздушных гимнастов или трюками на одноколесном велосипеде. Когда Оксана почти поправилась, ходила уже без костылей, но с палочкой, к ней приехала подруга по сборной, они купили билеты в цирк. Последним номером первого отделения было выступление наездников.

– Мы как эти лошади, – сказала подруга, когда они шли в буфет.

– Почему? – удивилась Оксана.

У нее с образным мышлением было плохо, а подруга училась на филологическом факультете и писала стихи.

Она пояснила:

– Красивые и грациозные, эти лошади умеют только мягко скакать по кругу и подставлять хребет наезднику, выполняющему сальто. А если лошадь постареет или заболит? В упряжку ее не поставят и землю на ней не вспахают. Цирковая лошадка привыкла, что ее моют и расчесывают, лелеют и оберегают, балуют сахаром, покрывают красивой попоной и цепляют плюмаж на голову. А за стенами цирка это просто старая кляча. Четырехкопытная артистка, наверное, как и актриса-человек, не может жить без света юпитеров, без аплодисментов. Так и мы, спортсмены. Пока колотим по воде руками и ногами, выигрываем секунды на пределе возможностей, мы живем на полную катушку. Ушел из спорта – прощайся с красивой и бурной жизнью, со славой и почетом. Кому интересен отработанный материал?

Сама поэтесса не собиралась мириться с унылым существованием после ухода из спорта. И Оксане хотела сказать, что нельзя опускать руки, надо искать достойное занятие, цель. Чтобы кровь кипела, пусть не так горячо, как в спорте, но все-таки не застаивалась. В этот момент они вошли в буфет, где клубилась длинная очередь, и, пока искали ее хвост, подруга забыла о намерении воодушевить Оксану на поиски смысла жизни в новых обстоятельствах.

Сравнение с цирковой лошадью произвело на Оксану роковое впечатление. Девушки вообще народ впечатлительный и склонный верить тому дурному, что несетя в их адрес. Например, скажет злопыхатель какой-нибудь девушке: «У тебя ножки-то кривые!» – и девушка ни на секунду не усомнится в справедливости оценки. Потом тридцать человек глотки сорвут, доказывая, что ножки ровные и красивые. Не поверит! Они меня утешают и потому лукавят.

В двадцать два года Оксана считала себя конченным человеком, отбракованным материалом. И, к сожалению, дальнейшая жизнь не опровергла этой установки.

Благодаря старым связям Оксана устроилась тренером в бассейн. И потерпела фиаско. Не могла справиться с двадцатью верещащими пацанятами, которые хотели брызгаться и бултыхаться, а не учиться плавать. Дисциплину Оксана пыталась поддерживать с помощью крика и через два месяца сорвала голос. Она хорошо помнила свое отношение к тренерам, чье слово было законом, а похвала – высшим счастьем. Но ей достались группы, сплошь состоящие из неуправляемых проказников. Оксану перевели на группы продвинутых детей, уже умеющих плавать, эти хоть не утонут, балуясь. Еще месяц мучений – и разгневанные родители потребовали убрать Оксану, потому что она бьет детей палкой, истязает бедненьких.

Строго говоря, это была не палка, а швабра на длинной ручке. Оксана учила детей стартовому прыжку, который чрезвычайно важен в спортивном плавании и сильно отличается от народных прыжков «ласточкой» или «щучкой».

– Присед! – командовала Оксана пацану, застывшему на тумбе. – Руки назад, толчок и взмах! Старт! Тьфу ты! Сколько раз повторять? Не прогибаться в пояснице, не откидывать голову назад, не сгибать ноги в коленях! Надо лететь и войти в воду как стрела в одной точке. Следующий пошел на старт. Присед...

Какой там полет! Они плюхались в воду у бортика со скрюченными ногами и вывороченной головой. Некоторые «опытные ныряльщики», поднаторевшие летом на прудах и речках, уходили глубоко в воду. Пока вынырнут, хороший пловец полбассейна сделает.

– Ровные ноги! Как спички! Вы русского языка не понимаете? – горячилась Оксана. – Мах руками, толчок! Это мах? Это толчок? Дебилы!

Она взяла швабру и держала ее на расстоянии метра от тумбы, в тридцати сантиметрах над водой. Заставляла детей перелетать через швабру. Они плюхались животами на воду, что очень смешно для «народных ныряльщиков», но для отработки техники необходимо. Оксана в свое время отбила грудь и живот, пока не научилась правильному стартовому прыжку. Зато в конце спортивной карьеры она после толчка пролетала три с половиной метра, уходила стрелой в воду и выходила на поверхность в шести с половиной метрах от старта. Она хотела научить детей тому, что умела сама, но дети хныкали и держались за больные животики. Разозлившись, Оксана давала шваброй по голове тем, кто халтурил и не старался. Не так уж и сильно била, никому башку не проломила. Но с тренерской карьерой было покончено. Пыталась работать младшим кассиром – чуть не рехнулась, считая деньги, с математикой у нее всегда было неважно. В итоге оказалась в раздевалке – смотрительницей и уборщицей. За ее спиной долго шептались, пальцем показывали – серебряная чемпионка страны, бронзовый призер Кубка Европы, и моет полы в гардеробе.

Второй муж Оксаны называл себя начальником котельной, хотя был обычным истопником. Яша сильно пил, но во хмелю не буйствовал, ни разу на Оксану или на детей руки не поднял. Оксана же, случалось, колотила его скалкой. Тихий и безобидный алкоголик, Яша измотал жене все нервы, денег домой не приносил, пропивал их. Оксана считала алкоголизм не болезнью, а подлым эгоизмом,

поэтому ее семейная жизнь представляла собой один большой непрекращающийся скандал. Оксана договорилась в бухгалтерии и стала получать зарплату мужа сама. Тогда Яша перешел на самогон, который гнал на рабочем месте, и совсем потерял разум. Он сгорел по пьяни вместе с котельной, когда сыну было десять, а дочери шесть лет. Детям не передались ни спортивные данные Оксаны, ни ее упорство в борьбе за каждую секунду заплыва. Оксана, конечно, любила сына и дочь, но фанатичной матерью не была. Ее любовь заключалась в том, чтобы извернуться и на крохи, которые зарабатывала, обусть-одеть, накормить детей.

Совершенно неожиданно для себя Оксана испытала взрыв громадной трепетной любви к родившемуся внуку. Раскаты этого взрыва с годами становились только сильнее. Оксана жить не могла без внука, оттерла родителей, которые все делали неправильно, и полностью завладела малышом. Ее существование обрело смысл, задачу, перспективу. Оксана давно отвыкла быть просто счастливой и радоваться бездумно, поэтому ее привязанность к внуку состояла из страхов за него. Когда есть страхи, есть и тирания. Оксана безудержно баловала внука и одновременно давила его бесконечными запретами. То покрывала страстными поцелуями, то вопила и обзывала последними словами. Впрочем, смысленый мальчишка быстро научился управлять экспансивной бабушкой. Оксана лелеяла тайную надежду на то, что внук повторит ее спортивные рекорды и ему достанется не унылая серая жизнь, а чемпионский праздник тела и духа. Оксана не рискнула сама тренировать внука, но приходила в бассейн, садилась на трибуне и с замиранием сердца следила за его заплывами.

Ничего этого Оксана Федоровна не рассказала журналисту. Она попросту не умела долго и связно о чем-то повествовать, а многое вообще забылось, Оксана Федоровна всегда жила сегодняшним днем и терзалась сегодняшними проблемами, реальными или надуманными.

– Возненавидели Игната? – спросил Антон, когда Оксана Федоровна упомянула о разводе с первым мужем.

– За что? – искренне удивилась она. – Ведь я ему уже ничего не могла дать.

Ее наивность и доброта были достойны восхищения или обвинения в глупости. Антон относился к тем, кто бескорыстную, безусловную доброту приравнивал к умственной ущербности. На его взгляд, Оксана Федоровна была тетехой с рыбьими мозгами. Он очень удивился бы, узнай, что многие люди относятся к Оксане Федоровне с большой симпатией, потому что она всегда без рассуждений подставляла плечо и помогала нуждающимся.

- Вас не мучила ревность, обида? - допытывался Антон.

- Плакала, конечно. Как увижу их с Ленкой на улице или в магазине, застыну столбом и реву.

Антон хорошо помнил имена женщин из списка Куститской.

- Вторую жену Игната Владимировича звали Юлей.

- На Юле он женился, а до того, без регистрации, жил с Леной, у них девочка родилась. Такое горе!

- Какое горе?

- Девочка очень больная пожизненно. Лена с ней настрадалась! Вот я иногда на внука своего посмотрю - охламон и зараза. Но, слава богу, здоровенький. Сейчас в заплыве на сто метров вольным стилем...

Антон перебил и спросил фамилию Лены. Для перевыполнения плана и ради дополнительного вознаграждения можно встретиться с матерью-одиночкой. Поскольку интервью подходило к концу, он уже не церемонился и обрывал Оксану Федоровну на полуслове.

- Скажите, а были у Игната в детстве какие-то прозвища, клички?

- Целую ручки! - вспомнила Оксана Федоровна.

- Чьи ручки? - не понял Антон.

- Игнат так говорил: «Целую ручки!»

– Девушкам?

– Нет, чаще парням.

– Чего-чего? – опешил Антон. – Поясните.

– Когда кого-нибудь посылал, например.

Задав еще несколько вопросов, Антон уяснил, что в ситуации, когда говорят: «Иди к черту!», «Видал я тебя!», «Не на того напал» – Игнат насмешливо бросал: «Целую ручки!»

Жизненные пути Куститского и Оксаны Федоровны больше не пересекались, они не встречались и не перезванивались. Оксана Федоровна получала отрывочную информацию о первом муже от Лены, требовавшей у Игната помощи для больного ребенка.

Оксана и Лена познакомились, когда Игнат второй раз женился. Оксана подошла к Лене, гулявшей в парке с коляской.

– Мы теперь с тобой на равных, – улыбнулась Оксана, – две брошенки Игната, я его первая жена.

– Очень приятно, – растерянно произнесла Лена. – Собственно говоря, женой Игната я никогда не была.

Лена смотрела настороженно: интересы брошенных женщин ее не привлекали. Но Оксана вовсе не стремилась перебивать бывшему мужу косточки, объединяться по принципу «дружим против». Более того, никаких давних признаков ненависти к себе, разлучнице, Лена не увидела. Оксана говорила так, словно связь Игната с Леной была естественной и нормальной, без налета предательства. Оксана горячо осуждала Игната за то, что бросил Лену с ребенком, а за то, что ушел от нее, Оксаны, –нисколько. Это было глуповато, но мило и трогательно. Лена прониклась невольной симпатией к женщине, столь простой внешне и обладающей добрым сердцем.

Оксана жалела Лену, приносила ей детские вещички, забытые в раздевалке бассейна. Договаривалась со сторожем, и Лена приходила ночью плавать с девочкой в бассейне, разрабатывала ей ножки-ручки. Специальных групп для детей-инвалидов не открывали, а в обычной группе никто не хотел видеть уродливое создание. Да и не было у Лены лишних денег на абонемент в бассейн, на лекарства не хватало.

Антон незаметно выключил диктофон в кармане, поблагодарил Оксану Федоровну и стал прощаться. Тут как тут появился внучок и выразительно посмотрел на Антона.

– Вот вашему внуку на конфеты, – полез за бумажником Антон.

Как назло, сотенных купюр не было, несколько десятков и пятьсот рублей. Но не требовать же сдачи. Пришлось раскошелиться на полтысячи.

Часы показывали четверть одиннадцатого, когда Антон вернулся домой. Он решил позвонить Куститской.

– Открылись новые обстоятельства, – сообщил он, извинившись за поздний звонок и уверив, что первое интервью прошло отлично.

– Какие обстоятельства?

– До брака с Юлией Скворцовой у Игната Владимировича была связь с некоей Еленой Храпко. – Антон говорил с интонациями следователя, который отчитывается перед начальством. – От этой связи у них общий ребенок. Девочка. С рождения неизлечимо больная.

– Вот как? – протянула Полина Геннадьевна. – Это точно его ребенок?

– Вне всяких сомнений, – взял на себя смелость Антон. – Елена Храпко многие годы требовала с Игната Владимировича средства на лечение дочери.

– И он платил?

- Пока не знаю.

- Обязательно встретьтесь с этой Храпко! - приказным тоном велела Полина Геннадьевна.

- Но, возможно, откроются факты, которые не с лучшей стороны характеризуют вашего мужа.

- Меня интересует правда, вся правда, - в голосе вдовы звенел металл.

- Елена Храпко, вероятно, не захочет общаться со мной.

- Предложите ей денег.

- Сколько?

- Пятьсот долларов. Будет ломаться - тысячу долларов. Потом вам возмещу.

- Кстати, о дополнительных расходах. Чтобы найти подход к Оксане Федоровне, мне пришлось подкупить ее внука, потратиться на торт и конфеты. Понимаете, - зачастил, оправдываясь, врунишка, - когда на пороге человек с тортом, это располагает...

- Представьте список дополнительных трат, - перебила Полина Геннадьевна. - Не мелочитесь. Вы хорошо сделали, что позвонили мне. И впредь держите в курсе. До свидания!

Она первой положила трубку.

- И наше вам с кисточкой, - сказал Антон.

До пяти утра он расшифровывал интервью с Оксаной Федоровной, то есть переносил на бумагу свои вопросы и ее ответы. В десять нужно было присутствовать на редакционной летучке. Только называется - летучка, полтора часа просидели. Антон поначалу клевал носом, а потом и вовсе заснул. Получил выговор, но газетные дела теперь его не сильно волновали. Впереди была

свобода.

Мать-одиночка

Позвонив Елене Храпко, сославшись на Оксану Федоровну и представившись, Антон спросил ее отчество. Обращаться к немолодой женщине по имени было бы фамильярно.

– Елена Петровна. Мне говорила о вас Оксана, сказала, что Игнат умер. Какая-то жуткая история с чумой в Африке.

– Я хотел бы рассказать вам лично.

– Не вижу в этом необходимости.

– У меня есть поручение от Игната Владимировича, посмертная воля. Он просил передать вам деньги.

– Хорошо, приезжайте, – согласилась женщина.

Деньги, как водится, решали все.

Антон ожидал увидеть женщину замордованную, несчастную, бедную. С вечным укором в глазах, с ненавистью к тем, кто богат, беспечен, и к тем, кто много лет назад родил здорового ребенка, а теперь нянчит внуков. Словом, ухудшенный вариант Оксаны Федоровны. Но ему открыла дверь пожилая женщина без тени застарелой обиды на лице. И она была красива. Конечно, не так, как Куститская, никакой искусственной лакировки. Седая голова, и морщинок много. Потом, когда Елена Петровна несколько раз улыбнулась, ее морщинки становились заметнее, но они разбегались по краю лица, оставляя щеки с кожей бархатной белизны гладкими. Ее морщинки были добрыми, как у бабушки из старой киносазки. Паутинки морщинок окружали глаза пронзительного синего цвета. Казалось, что необычная синева обеспечивается миниатюрными фонариками, спрятанными за зрачком. Эти мудрые глаза видели человека насквозь.

Чтобы задобрить Елену Петровну, Антон купил коробку конфет и плюшевого мишку в подарок больному ребенку. Конечно, ребенку уже за тридцать, но ведь не духи нести.

Он поздоровался и протянул свои подарки, и Елена Петровна после короткого раздумья приняла их.

- Проходите, - пригласила она, - вытирайте ноги. Сюда, пожалуйста!

Она провела его на кухню, положила подарки на стол и вышла. Антон протиснулся вокруг обеденного столика и опустился на самый дальний табурет в углу, как бы показывая, что расположился здесь надолго. Елена Петровна появилась на пороге. Впереди себя она толкала инвалидную коляску, в которой сидела девушка-старушка, одетая в спортивный костюм. Ей можно было дать и восемнадцать, и шестьдесят лет. Лица умственно отсталых людей навсегда сохраняют детскость, потому что отпечаток времени на лице гораздо слабее тех следов, что оставляют пережитые эмоции. Антон с трудом выдавил улыбку, изо всех сил маскируя свою брезгливость. Руки инвалидки были скрючены в локтях, кисти болтались, ноги висели тряпками. Она походила на большую куклу, неисправимо сломанную вандалом. Голова наклонена к плечу, подбородок чуть задран кверху, глаза такого же синего цвета, как у матери, один смотрит в потолок, другой - в пол, сильнейшее косоглазие.

- Катенька, это Антон. Он принес тебе медвежонка. - Елена Петровна взяла игрушку и положила дочери на колени.

- Привет! - хрипло поздоровался Антон.

Катенька вдруг задержалась, ноги и руки конвульсивно трепетали, голова тряслась, рот открывался и закрывался, шлепали губы, выдавая невнятное бульканье.

- Она сказала вам «спасибо», - пояснила Елена Петровна. - Доченька, посидишь с нами или в комнату тебя отвезти?

«Отвезите, ради всего святого!» - мысленно взмолился Антон.

Катино тело снова судорожно завибрировало, из перекосившегося рта потекла слюна и вырвался горловой клекот.

– Вот и хорошо, – Елена Петровна подкатила коляску поближе к столу. – Побудь с нами. – Промокнула салфеткой дочери подбородок и села рядом. – Мы вас слушаем, Антон.

Он забыл включить диктофон, не мог смотреть на увечную девушку. Антон всегда интуитивно избегал любой боли: своей, чужой, телесной, духовной. Он боялся врачей, больниц, не переносил кладбищ, терпеть не мог людей, рассказывающих о своих недугах. В нем жил суеверный ужас, защита от которого была сродни детской уловке: если закрыть глаза, то плохое исчезнет.

– Вы хотели передать деньги, – напомнила Елена Петровна.

– Да, да, – Антон принялся суетливо шарить по карманам. – Вот! – протянул он конверт.

Елена Петровна открыла конверт, пересчитала купюры.

– Тысяча долларов, – усмехнулась она. – Щедро!

Издвка, прозвучавшая в ее голосе, несколько отрезвила Антона. Он стал с пулеметной очередью выстреливать вопросы:

– Игнат Владимирович вам помогал? Вы долго прожили вместе? Как он отнесся к тому, что ребенок родился нездоровым? Кто виноват в болезни Кати? Где вы с ним познакомились? Вы знали, что он уже был женат? Какие чувства вы испытывали к Игнату?

Сыпать вопросами вне всякой логики, не дожидаясь ответов, было непрофессионально, если не сказать глупо.

– Зачем вам это? – удивленно подняла брови Елена Петровна.

– Я пишу о Куститском книгу. Его жена, вдова, заказала.

– Книгу? – покачала головой Елена Петровна, мол, у богатых свои причуды. – Боюсь, что главу, посвященную нашим отношениям, лучше пропустить. Она не сделает чести герою мемуаров. О покойных плохого не говорят, а хорошего мне сказать нечего. Игнат был исключительно талантливым, прямо-таки гениальным лицемером.

– И все-таки расскажите мне подробнее, – настаивал Антон.

Елена Петровна смотрела на приткого молодого человека с улыбкой. Рассказать? Тебе, который косится на мою дочь с плохо скрываемым отвращением? Рассказать, чтобы прихоть богатенькой вдовы удовлетворить? Даже если я разоткровенничаюсь, ты перевернешь мою исповедь. Наверное, Антон журналист. Среди их братии встречаются гнусные типы: настырные, безапелляционные в суждениях, способные любые факты подогнать под заготовленную идею.

– Увольте! – отрезала Елена Петровна.

– Хотя бы несколько слов.

– Нет! Не просите. У вас есть еще какие-либо поручения?

– У меня будут большие проблемы, если не возьму интервью.

– Хотите, чтобы я вам посочувствовала?

– Да! Скажите, как вы относились к Игнату Куститскому?

– Год любви и сорок лет отвращения.

– После рождения Кати появилось отвращение?

– Послушайте, Антон! Откровений вы от меня не дождетесь. Ни на какие вопросы больше отвечать не буду. Коль ваша миссия выполнена, не смею задерживать.

Она поднялась, покатила коляску с дочерью в прихожую, развернулась там, ожидая, когда Антон выметется. Ему ничего другого не оставалось.

Сорок с лишним лет назад на телевидении появилась передача «А ну-ка, девушки!» и сразу стала безумно популярной. В мастерстве соревновались по профессиям – стюардессы, медсестры, ткачихи, учительницы младших классов. «А ну-ка, девушки!» стали проводиться по всей стране на заводах и фабриках, в институтах, Домах культуры и уже не строго по профессиональным кастам. Это был своего рода конкурс красоты с проверкой интеллекта, ловкости и остроумия.

Лена Храпко, студентка педагогического института, стала победительницей «А ну-ка девушек» в области. Лена хорошо училась, была начитанной, занималась художественной гимнастикой, обладала чувством юмора и щедрым веселым нравом. Все это было даже слишком, учитывая внешность Лены. Стройная фигура: длинные ноги, подчеркнутая округлость бедер, тонкая талия, высокий бюст. Благодаря гимнастике Лена приобрела балетную плавность движений, которая подсознательно завораживает окружающих. Даже грациозно жестикулирующая дурнушка может привлечь внимание людей, загипнотизировать их. А Лена была не дурнушкой – красавицей, внешности которой позавидовали бы многие актрисы. Синие глаза в обрамлении длинных ресниц казались подведенными, хотя Лена не пользовалась косметикой. Ей шла любая прическа – распусти она свои пышные русые волосы, завяжи хвостик или закрути «дульку» на макушке. Ее не портил никакой головной убор – от простенького беретика до шляпки-котелка в стиле тридцатых годов. У Лены было идеально правильное лицо – тот редкий случай, когда идеальное красиво.

– В кого у нас такая уродилась? – притворно удивлялся папа, подразнивая маму и бабушку.

Мама не оставалась в долгу:

– Собираемый образ. К счастью, от тебя в нем только цвет глаз.

Бабушка, главный воспитатель Лены, была убеждена, что красота и счастье ходят по разным дорогам. Бабушка рано стала говорить с внучкой о девичьей чести, которую надо беречь как зеницу ока, потому что мальчики будут

стараться ее отобрать. Маленькая Лена раздумывала: откуда мальчишки знают, где сидит эта честь, если сама Лена обнаружить ее не может. Приставала к бабушке: объясни мне, как мальчишки честь воруют.

- Лезут! - коротко отвечала бабушка. - Все пацаны лезут.

- Куда, бабуля?

- К девочкам! Не позволяй никому к тебе лезть, руки распускать: трогать, лапать, в темных углах зажимать. Если до свадьбы будешь с кем-нибудь целоваться, заболеешь страшной болезнью, все внутри сгниет.

К Лене мальчишки не лезли. Она была отличницей, председателем совета пионерской дружины - вроде школьной священной коровы. А за Люсей Васильковой мальчишки охотились: норовили мимоходом ущипнуть за попу, дернуть за косички или затащить на чердак, чтобы потискать. Лена немного завидовала популярности Васильковой. Люся, наверное, целовалась с мальчиками, но не похоже, чтобы сгнивала внутри.

Когда Лена подросла, училась в последних классах, бабушка сменила пластинку. Теперь она говорила, что хорошие парни робкие, побоятся подойти к симпатичной девушке. А вокруг Лены будут виться развязные нахалы, у которых хорошо подвешены языки, а совести кот наплакал. Бабушка оказалась права.

Школу Лена окончила с разбитым сердцем и комплексом большой вины. У Тани, лучшей подруги и одноклассницы Лены, был роман с парнем по имени Коля, студентом техникума. Они часто проводили время втроем: ходили в кино, на танцы, слушали музыку дома или просто гуляли. А потом выяснилось, что Коля влюблен не в подругу, а в Лену. Набрался мужества и сообщил об этом девушкам, прямо и честно, то есть очень болезненно для обеих.

Они сидели на лавочке, обсуждали только что увиденный фильм, и Коля вдруг заявил:

- Таня, извини, но я очень люблю Лену.

- Как это «любишь»? - растерялась Таня. - А я?

– Прости, пожалуйста! Мне кажется нечестным тебя обманывать. И еще мне кажется, Лена ко мне тоже равнодушна.

Так и было. Коля очень ей нравился, Лена скрывала свое чувство и думала, что никто не догадывается.

Таня задохнулась от возмущения, расплакалась. С криком: «Предатели!» – вскочила и помчалась по аллее парка. Лена бросилась за ней, догнала, принялась убеждать в том, что не любит Колю, что не виновата. Но Таня ревела и обзывала ее сволочью, подлой гадиной.

Со стороны все это, очевидно, напоминало провинциальную трагедию, разыгранную молодыми самодеятельными артистами. Но последствия для Лены были нешуточными. Она отказывалась встречаться с Колей, бросала телефонную трубку, когда он звонил. Лена считала, что на ней лежит печать несмываемого предательства. Рядом не оказалось друга или товарища, который объяснил бы ей, что любовь – не кошелек, который можно стащить из чужого кармана и тратить ворованное. Приятельницы и одноклассницы взахлеб осуждали Лену и пламенно жалели Таню. Лена стала изгоем и полагала, что презрение заслуженно. В характере Лены была одна крайне вредная для жизни черта – во всем и сразу Лена винила себя, потом и не скоро доходила до сознания собственной безвинности. Таня скоро утешилась, а Лена почти до окончания института избегала общения с парнями. Впрочем, особенно стараться не приходилось – институт девичий, молодых людей раз-два и обчелся.

Лену вылечил от душевной раны Игнат. Член обкома комсомола, Игнат организовывал конкурс «А ну-ка, девушки!» и входил в состав его жюри. После одной из репетиций Игнат попросил у Лены разрешения проводить ее домой, потом провожания и свидания стали регулярными. Кстати, Лена считала, что победой в финале конкурса обязана Игнату. Он отрекся, но улыбался загадочно и не подумал сказать, что мнение жюри было единогласным.

Игнат обладал способностью расположить к себе, обаять, заинтересовать практически любого человека. Нужного ему человека, естественно. На ненужных он обращал внимания не больше, чем на фонарные столбы. Игнат прозорливо улавливал сильные и слабые стороны человека, первым льстил, вторым потакал. Напускал при этом туман ироничности, которая нейтрализовывала открытую лесть и подслащивала критику. Игнат сблизился с одним из секретарей обкома комсомола – насквозь фальшивым типом, произносившим патриотические речи

на собраниях и устраивающим оргии на даче. Игнат легко принял правила игры покровителя: изображал верного комсомольца днем, а ночами они нередко пьянствовали и развратничали. С институтским куратором Игнат держался как верный ученик-последователь большого ученого. Игнату обязательно нужно было поступить в аспирантуру, чтобы не загреметь в армию. С заведующим комиссионным магазином, через которого сплавлял привезенные женой вещи, Игнат цинично торговался, с директором книжного магазина вел умные разговоры о литературе и получал дефицитные книжки.

Раскусить Лену Храпко Игнату не составляло никакого труда. Потрясающе грациозная красивая девушка, наивная, честная, давно созревшая для любви и мечтающая о благородном принце. Хочется принца? Получите. Игнату, конечно, нравилась Лена, но безумно влюблен он не был. Страстная любовь лишает человека воли, а Игнат окучивал Лену прагматично и трезво. Его ухаживания долго не переступали грани чистой дружбы. Платонический период затянулся ровно настолько, сколько требовалось, чтобы истомившаяся от любви девушка упала ему в руки, как перезревшее яблоко. После первого же поцелуя Лена потеряла голову и была готова на все.

Лена полюбила страстно и горячо, она переживала волшебные ощущения, порхала, летала, обезумела и полностью утратила критический взгляд на предмет своего обожания. Игнат не спешил знакомиться с ее родителями, которых, естественно, волновал выбор Лены. Она могла рассказать только хорошее: студент-отличник, ведет активную общественную работу, член обкома комсомола, живет в отдельной квартире с сестрой, известной спортсменкой, часто отсутствующей из-за сборов и соревнований. Бабушку положительная характеристика не успокоила, она навела справки. Тогда-то и прозвенел первый звонок: открылось, что сестра вовсе не сестра, а законная жена. Лене услышать бы не звонок, а набат колокола. Но Игнат, образно выражаясь, законопатил ей уши. Он стоял на коленях, каялся, говорил, что на обман его толкнула громадная любовь, страх потерять Лену. И она простила, тем более что, по словам Игната, развод был делом ближайшего времени.

Беременность Лена обнаружила поздно, на двенадцатой неделе – крайний срок для аборта. Игнат всполошился, принялся искать врачей. За то время, которое понадобилось Игнату, чтобы организовать подпольный аборт, у Лены окрепло решение оставить ребенка. Она уже радовалась предстоящему материнству, мысленно разговаривала с малышом, растущим у нее под сердцем. Игнат бушевал и лебезил, гневался и умолял, Лена была непреклонна. Она считала, что

у Игната просто задержка развития. Он еще не понимает, как это прекрасно – рождение их ребенка, – но обязательно поймет.

– Если бы ты сам был беременным, – пыталась шутить Лена, – ты чувствовал бы, как славно и сладко растить в себе нового человека.

– Если бы я был женщиной, – зло отвечал Игнат, – я бы тщательно предохранялся.

Лена ждала, что Игнат одумается, а он стал избегать с ней встреч. Когда родители заметили растущий живот дочери, они пережили шок. Отец Лены жестко потребовал, чтобы Игнат явился для разговора. Он пришел, выслушал упреки и требования узаконить отношения. Игнат держался скромно и униженно, как нашкодивший, но честный человек. Он не против расписаться с Леной, понимает, что обязан. Но сейчас это невозможно. Жена Игната получила серьезную травму, ей сделали сложную операцию, и предстоит еще одна. Когда женщина на волосок от гибели, он не имеет права добить ее известием о разводе. Лена и ее родители оказались в моральном тупике. Лена едва не выкрикнула: «Ты же говорил, что вопрос с разводом у вас практически решен!» Но в присутствии родных не стала упрекать Игната. Только бабушка не растерялась.

– Про жену надо было думать, когда ты Ленку соблазнял, – сказала она. – Двум женщинам перекорезил жизнь, так хоть с одной будь порядочным.

– Арифметика в подобных делах неприемлема, – огрызнулся Игнат.

Бабушка вскипела и обрушила на Игната водопад упреков – справедливых, но высказанных с употреблением определений, самым мягким из которых был «кобель». Пришлось утихомиривать бабушку, Игнат сидел с выражением оскорбленного достоинства на лице. Даже эту ситуацию он сумел обернуть в свою пользу. И все-таки от него добились обещания жениться на Лене, как только выздоровеет жена, и, самое главное, признать свое отцовство. Против Игната имелось оружие мощное и безотказное в советское время – Лена или ее родные могли написать письмо в институт, в обком комсомола, рассказать о его поступке. И тогда на карьере Игната можно было бы поставить жирный крест. Чтобы избежать огласки, Игнат был готов на любые обещания.

Последние месяцы беременности Лены были тяжелыми: хотя физически она чувствовала себя отлично, эмоционально была угнетена. Игнат не появлялся, однокурсники косились и шептались за спиной. Лену вызвали в деканат, потом на заседание комитета комсомола, чтобы выяснить, как она дошла до аморальной жизни. Правда, и в деканате, и в комитете комсомола спрашивали, кто отец ребенка, предлагали призвать его к ответу. Лена отказалась называть имя.

Родов боятся все женщины. Но то, что случилось с Леной, было ужаснее самых страшных предчувствий. Почти сутки непрекращающейся кошмарной боли, хамство, грубость и наплевательское отношение медиков. Лене хотелось умереть, только бы прекратилась эта чудовищная боль. И когда Лену, наконец, уложили на родильное кресло, у нее не осталось сил. Как в тумане, она видела акушерок, навалившихся на живот, выдавливающих ребенка, врача с щипцами, похожими на ложки для салата. Потом Лена именно применение щипцов, халатно-преступное ведение родов будет считать причиной бед ее ребенка. А врачи будут открещиваться, говорить про внутриутробную патологию, про наследственность. Ни у Лены, ни у Игната в роду не было никого с врожденными нарушениями.

Щипцами Лене разворотили внутренности, дали наркоз и долго зашивали. Следующий день она проспала, приходя в себя. Но и на второй день не принесли ребенка, хотя остальные женщины в палате по пять раз в день кормили младенцев. Только на третий день педиатр пригласила Лену в кабинет и сказала, что у ребенка псевдобульбарное расстройство.

- Что это? - испугалась Лена.

- У вашей дочери отсутствуют сосательный и глотательный рефлексы. Сейчас ее кормят через зонд.

- А когда это пройдет?

- Возможно, никогда. У нее также будут нарушения речи, она не сможет нормально говорить. Скорей всего, умственная отсталость. Уже сейчас сильное косоглазие и ригидность мышц. Диагноз «церебральный паралич» ставить рано, но все симптомы налицо...

После операции Лене нельзя было садиться, только стоять или лежать. Она стояла перед врачом, привалившись от слабости к стене. В глазах померкло, мутным туманом заволокло сознание. Лена слышала врача как через плотный слой ваты. Та говорила про какие-то рефлексy, которые отсутствуют у ребенка.

– Я еще не видела свою дочь, – пробормотала Лена.

– Может, лучше и не видеть? В вашей ситуации, вы ведь не замужем, самым правильным будет отказаться от ребенка-инвалида, передать его в специализированный дом ребенка. Вы не представляете, на что обречете себя, если возьмете младенца.

В последующие годы Лена услышит этот совет десятки, если не сотни раз. Тогда же она вдруг стала монотонно и безостановочно повторять:

– Отдайте мою дочь! Отдайте мою дочь! Отдайте! Отдайте!

– Успокойтесь! Никто у вас насильно ребенка не заберет. Подумайте над моими словами.

Порядки в роддоме были концлагерными, к роженицам относились как к недееспособным сумасшедшим, не имевшим права голоса. Оправданием могло служить то, что роддом был вечно переполнен, кровати стояли в коридорах. До выписки через десять дней Лена увидела дочь только один раз. Ей показали тугую кокон со сморщенным личиком, изо рта малышки торчал шланг, из-под чепчика выплывало темно-бордовое пятно. Лена хотела снять чепчик, не позволили. Потом дома она увидит синяки и ссадины – следы злополучных щипцов. В роддоме Лена либо спала, либо тихо плакала, уткнувшись в подушку. Лену вызывали для беседы старшая медсестра и заместитель главного врача, все с той же целью – уговорить отказаться от ребенка. Но Лена уже приняла решение – она будет бороться за здоровье дочери. Предательство для Лены было самым тяжким грехом, а предательство собственного ребенка вообще выходило за рамки ее миропонимания.

Как ни тяжок был удар, как ни горьки Ленины слезы, радость все-таки оставалась. На свет появился новый человек, ее доченька, она заняла место в материнском сердце, и никакие силы не могли вырвать ее оттуда.

Лена прошла с дочерью все круги ада, но самые страшные испытания выпали на первый год жизни Катеньки. Бесконечные сцеживания грудного молока и кормление через зонд. У Лены катились слезы и дрожали руки, когда нужно было заталкивать зонд в ротик малышке. До шести Катенькиных месяцев Лена пять раз лежала с дочерью в больнице. У девочки загноились раны на голове, началось общее заражение, потом пневмония, отказывали почки. Находясь в больнице, Лена постоянно слышала, что ребенок не жилец, надо готовиться к худшему. Но Катенька, принявшая лошадиные дозы лекарств, истыканная уколами, отчаянно боролась, много раз стояла на краю жизни и возвращалась назад. Когда ей исполнилось полгода, Лена стала кормить дочь с ложечки. Катя поперхивалась, давилась, молоко и рвотные массы фонтаном вылетали изо рта. Каждое кормление – по три часа мучений, и таких кормлений – четыре в сутки. Участковый педиатр говорила, что Лена занимается бессмысленным делом, но Лена настойчиво учила дочь самостоятельно глотать. Медики окружали их все время. Среди них были те, кто проявлял исключительную доброту и человечность: дежурили ночами в больнице рядом с Катиной кроватью, чтобы дать Лене поспать хоть несколько часов, приезжали к ним домой и привозили дефицитные лекарства. По сути, они воровали эти лекарства в клинике. Но были и те, кто считал Лену дурой, повесившей себе ярмо на шею. Когда окончательно подтвердился диагноз ДЦП – детского церебрального паралича, – невропатолог сказала про Катеньку: «Тут мозгами и не пахнет». Лена, прежде всегда прислушивавшаяся к чужому мнению, теперь перестала это делать. У нее просто не было сил для посторонних эмоций. Каждая минута жизни и все мысли были сосредоточены только на одном – спасении дочери. Лена, конечно, находилась в нескончаемом стрессе, в неврозе. Но любая борьба требует и стресса, и невроза. В атаку не ходят, насвистывая, войну не выигрывают расслабленные нытики и хлюпики.

Единственной личной мечтой, не связанной со здоровьем Катеньки, было желание выспаться. Сон вволю, сколько захочешь, стал казаться Лене самой большой роскошью. Но иногда желанный сон, на который есть только три часа, не шел – измученный, перевозбужденный тревогами мозг не хотел отключаться. Тогда Лена молилась. Ее семья никогда не была религиозной, Лена ни разу в жизни не заходила в церковь, имела смутные представления о Библии. Она молилась своему богу, чему-то высшему, надчеловеческому. И молитва ее состояла из двух бесконечно повторяющихся слов: «Пожалуйста, помоги! Пожалуйста, помоги! Пожалуйста, помоги!» Она просила за дочь, страдающую от каждого глотка воды, от каждой попытки поднять головку или пошевелить ручками, скованными судорогой. Лена просила за себя – дать силы, прогнать отчаяние, укрепить веру в победу.

Игнат, не без настойчивых напоминаний и угроз, признал отцовство. Явился в ЗАГС, дал паспорт, куда ему поставили штамп. В свидетельстве о рождении Кати стояла Ленина фамилия, но в графе «отец» не было пропуска.

Второй раз они увиделись, когда Лене срочно понадобились деньги. Зарплата мамы и папы, бабушкиной пенсии не хватало, все накопления давно были истрачены. Игнат отказался приходить к ним домой, назначил свидание в парке.

Он оценивающе посмотрел на Лену и заявил:

- Плохо выглядишь.

- Зато ты - прекрасно.

Лена уже давно рассталась с розовыми очками, а Игнат не находил нужным играть перед ней спектакли.

- Что тебе нужно? - спросил Игнат.

- Деньги и лекарства, - прямо ответила Лена. - Деньги на массаж, он нужен срочно, иначе у Кати сформируются контрактуры, неподвижность суставов...

- Меня не интересуют эти подробности!

- Но стоит начать массаж, - говорила Лена, точно не слыша Игната, - возникают судороги, очень болезненные. Достань лекарство, оно импортное, в аптеках только по блату.

- И не подумаю!

- Подумаешь! - жестко сказала Лена. - Хорошо подумаешь, прежде чем отказывать. Мне ведь терять нечего. Ради дочери я глотки перегрызу, не то что на прием к секретарю обкома или в твой деканат пойду.

- Ты стала грубой. Шантажируешь?

- Нет, требую законно причитающееся.

- Откуда у меня, студента, деньги?

Игнат врал. Он был состоятельным человеком. Подпольно приторговывал дефицитом, летом работал в стройотрядах. Не плотником или каменщиком, конечно. Комиссаром штаба студенческого облстройотряда – руководил, инструктировал, вдохновлял. Все договоры с заказчиками оформлялись через штаб. Простые студенты не ведали о реальных суммах, получали зарплату в конце сезона в штабе. Эта схема не была изобретением областных боссов от комсомола. Существовала пирамида: от всесоюзного штаба студенческих стройотрядов – до районных штабов. Вершина пирамиды, как водится, была золотой, далее по убывающей, основание – чернозем.

- Ты не бедствуешь, – ответила Лена.

Хотя она отгородилась от мира, все-таки иногда, от бывших приятелей и приятельниц, доходили слухи об Игнате, который живет на широкую ногу.

- И давай договоримся, – продолжила Лена, – чтобы мне каждый раз не припирать тебя к стенке, выплачивай алименты, тридцать рублей в месяц.

- Ну и аппетиты! – возмутился Игнат.

- Да, больной ребенок требует больших расходов.

- Плевать мне на этого ребенка! На урода!

- Придержи язык! – повысила голос Лена. – Еще раз скажешь гадость про дочь, пеняй на себя.

- Лена, послушай, – сменил тон Игнат. – Нужно тебе все это? Молодая, красивая, у тебя вся жизнь впереди. У меня, кстати, тоже. Не повезло нам, так случилось, но ведь можно исправить.

- Твоя жизнь, моя жизнь, но есть еще и третья.

- Чья? - не понял Игнат.

- Катина, нашей дочери. Она тоже человек, тоже имеет право видеть небо, радоваться солнцу и пению птиц.

- Не может она! - выкрикнул Игнат, оглянувшись, не слышал ли кто, и заговорил тише: - Я говорил с врачами. Она же умственно отсталая, debilка, никогда не сможет вилку держать и задницу подтирать! Ходить, сидеть, разговаривать нормально! Это брак природы, как ты не понимаешь! Есть детские дома для таких особей, я узнавал. Я готов сам оформить все документы. Государство о ней позаботится, оно у нас доброе. А ты вернешься в институт, будешь вспоминать об этой калеке как о страшном сне. Или: хочешь - навещай ее. Но не гробь себя и меня заодно.

- Мне рассказывали об этих учреждениях, - помотала головой Лена. - Отдать туда Катю все равно что снести ее на кладбище.

«Где уродке и место», - подумал Игнат, а вслух принялся с удвоенной силой агитировать Лену. Она была непреклонна: Кате требуется постоянный уход, двадцать четыре часа в сутки, нигде, кроме родного дома, такого не будет.

- Мне пора, - встала со скамейки Лена и протянула ему листок. - Вот название лекарства, достань обязательно. Не просила бы тебя, если бы сама могла купить. Деньги можешь переводить по почте.

- Дура! - в сердцах обозвал ее Игнат. - Не зря говорится, что сон разума рождает чудовищ.

- Если разум понимать как нравственность, то это в точности про тебя.

Не простившись, она пошла по аллее. «Сука!» - процедил Игнат. Лена услышала, запнулась на секунду, но не оглянулась.

Через несколько месяцев Игнат женился. Ему не помешало, что первая жена, Оксана, еще на костылях передвигалась. Второй супругой стала дочь большого партийного начальника. Лена восприняла известие о браке Игната с равнодушной брезгливостью. Пусть хоть на английской королеве женится, лишь

бы деньги присылал.

Катюше исполнился год. Она не могла сидеть, не пыталась вставать, плохо держала головку, не произносила слов и слогов, а только невнятные булькающие звуки. Но у них были победы! Катюша почти научилась глотать, и фонтаны брызг уже не так часто вырывались из ее ротика. Благодаря лекарствам, массажам и теплым ваннам, которые Лена делала постоянно, ослабился тонус мышц, и девочка уже не походила на скрюченного воробушка. Лене казалось, что самое страшное уже позади (хотя самое трудное еще впереди). Отступал панический страх Катиной смерти. Малышка родилась без многих жизненно важных безусловных рефлексов, а условные не вырабатывались. Но Лена была убеждена, материнское сердце ей подсказывало, что в глубине этого несчастного тельца, в подкорке недоразвитого мозга есть все-таки живой росточек, который упорно и настойчиво, через боль и страдания рвется к солнцу.

Лена чуть-чуть расслабилась, стала замечать мир вокруг, но на нее обрушилось еще одно чудовищное несчастье. Автобус, в котором ехали мама и папа, столкнулся с грузовиком. Отец умер на месте, мама – через два дня в больнице. Во время похорон бабушка упала, у нее случился инсульт, парализовало правую сторону тела. Лена враз потеряла родных и близких. Единственных, кто любил ее дочь, кто был поддержкой и опорой. Она осталась с двумя инвалидами на руках. Ее душа была пуста, по ней гулял черный пепел пожарища. Лена не могла молиться, потому что единственной просьбой к богу было бы: «Убей и меня!»

И тогда в ее двери позвонил Ангел.

Он все звонил и звонил. Лене не хотелось идти открывать. Ведь надо встать, кого-то видеть, о чем-то разговаривать. Она только что покормила дочь и бабушку. Положила Катеньку рядом с бабулей, чтобы та могла гладить ее здоровой рукой. Из глаз бабушки катились слезы. Как и правнучка, она теперь не могла говорить, только мычала. Лена знала, что бабушка хочет сказать: «Мало тебе, внученька, горя, так еще и со мной мыкаться. Лучше бы я преставилась, а не лежала колодой».

– Не лучше, – ответила Лена вслух. – Твоя пенсия теперь наше главное жизненное довольствие. Кому там неймется? – повернула Лена голову к двери.

Звонок не умолкал. Она встала и поплелась в прихожую.

На пороге стоял Коля – тот самый, первая любовь, из-за которой Лена считала себя предательницей. Как давно это было и как глупо, наивно.

– Здравствуй, Лена! Сегодня я приехал, вернулся из армии. Узнал о тебе.

– И что дальше?

– Я пришел.

Коля пришел и остался навсегда. Он вытащил Лену из пучины горя и отчаяния. Он зарабатывал деньги и все до копейки тратил на Ленину семью. Он купал бабушку и укачивал Катю, мыл полы и готовил еду, делал ремонт и конструировал коляски для ребенка. Он уговаривал Лену восстановиться на заочном отделении в институте.

Коля пришел как друг и ничего не требовал взамен своего участия. Просто каждый день появлялся в доме и спрашивал: «Скажешь, что надо делать? Или мне самому догадываться?» Лена пожимала плечами и загадывала: на сколько хватит этого тимуровца? Шли дни за днями, недели за неделями, а Коля никуда не пропадал. Лена начала улыбаться, оттаивать. На пепелище появились слабые побеги. Вечерами Лена невольно поглядывала на часы: когда же придет Коля? Обрывала себя: нельзя привязываться, сегодня он не придет и правильно сделает. Но Коля приходил – с сумкой продуктов, с игрушкой для Кати. Месяца через три Лена поймала себя на том, что не просто ждет Колю, а стоит перед зеркалом и прихорашивается. Лена испугалась. Она перенесла столько боли, что боялась любой радости – после радости обязательно случается боль.

– Зачем ты сюда ходишь? – спросила Лена, как только открыла дверь Коле.

– Пройти можно? – отстранил ее Коля и втащил в квартиру инвалидное кресло. – На больничной свалке нашел, ребята помогли отремонтировать. Теперь бабушка сможет раскатывать по дому.

- Зачем ты сюда ходишь? – повторила Лена. – Чего ты хочешь?
- Хочу помыть эту бандуру в ванной.
- Коля! Не юли! Отвечай.
- Разве не ясно? – посмотрел он ей прямо в глаза. – Я хочу жениться на тебе.
- Это невозможно.
- Почему?
- У невесты слишком много проблем.
- Справлюсь.
- Мне нельзя выходить замуж.
- Кто сказал? Кстати, я не тороплюсь.
- Правильно! И не теряй здесь время.
- Ты меня выгоняешь?
- Нет, но...
- Значит, разговор окончен. Я пошел мыть коляску. У тебя щетка есть?
- Николай! Я больше не могу, я боюсь... – У Лены перехватило горло, и она закончила шепотом: – Я больше не буду рожать детей.
- Одного ребенка вполне достаточно, по-моему.

Лена развернулась и ушла в комнату.

Они делали вид, что ничего не случилось, никакого разговора не было. Хотя теперь Лена стала замечать, как тянется к ней Коля, смотрит украдкой, вспыхивает от нечаянного прикосновения. В его молчаливом обожании не было ничего общего с тактикой платонических пируэтов Игната. Но и Лена теперь была не наивной девушкой с весенним бурлением крови в сосудах и томлением в чреслах. Ее чувство к Николаю созревало медленно и потому основательно. Жизнь цветка скоротечна, а дерево долго и крепко стоит на земле, пустив глубокие корни и не боясь ветров.

Бабушка, пересаженная в кресло, заметно повеселела. Она всячески показывала Лене, что Николай – отличный парень, не упустит. «Гы-гы-гы-гы...» – с разной интонацией рыкала бабушка в спину Коле, который уходил поздней ночью домой. Лена отлично понимала, что бабушка хотела сказать.

– Не придумывай, бабуля! Я ему вовсе не нравлюсь, – улыбалась Лена.

– Ры-ры-гы-гы! – бабуля здоровой рукой стучала по голове.

– Кто глупая? Я глупая?

– Гы-гы!

– Ну, не знаю. Ты думаешь, нравлюсь?

Лена привыкла так разговаривать: за себя и за бабушку, за себя и за Катю.

– Знаешь, бабуля, что я думаю? Мужское восхищение способно растопить ледяной панцирь, в котором живет несчастная женщина. Но воскресить ее может только собственная любовь.

Бабушка высунула язык и задвигала его кончиком вверх-вниз.

– Поняла. Хватит болтать? Пора переходить к делу?

– Гы!

Что означало: «Вот именно!»

Они ужинали на кухне. Лена держала на руках дочь. Коля ел быстро, но не жадно. Лене нравилось наблюдать за ним во время еды. Так насыщается большой, здоровый, сильный мужчина, труженик и добытчик.

- Путь к сердцу мужчины лежит через желудок, потому что женщинам нравится этот процесс, - сказала Лена.

Коля поднял голову и уставился на нее удивленно.

- Кажется, ты мне делал предложение? - спросила Лена. - Замуж звал?

- Да.

Николай напрягся, на его щеках выступили красные пятна.

- Что «да»?

- Звал замуж.

- А дальше?

- Все.

- Только подумать! - притворно возмутилась Лена. - Делает предложение руки и сердца и хоть бы полсловечка про любовь!

Коля смотрел на нее несколько секунд, потом его щеки дернулись, и он вдруг принялся смеяться, хохотать, закашливаться.

- Правильно говорят, - просипел он через поперхивания, - все красивые женщины глупые.

Когда они поженились, Коля с согласия Лены позвонил Игнату и сказал:

– Нам твои подачи больше не нужны.

– Целую ручки! – ответил Игнат и положил трубку.

Бабушка прожила после инсульта пять лет, умерла тихо во сне. Лена окончила институт и на полставки преподавала математику в вечерней школе. Николай заведовал автомастерской, хорошо зарабатывал. Благодаря их стараниям Катя пережила все сроки, отпущенные людям с ее диагнозами. Вокруг Лены сам собой образовался круг матерей, чьи дети страдали ДЦП или другими врожденными пороками, кому требовались опыт, знания Лены, да и просто человеческая поддержка. Больных детей не становилось меньше. Выйдя на пенсию, Лена зарегистрировала некоммерческую организацию «Наши ангелы», которую и возглавила. С помощью спонсоров устраивали детей в санатории и реабилитационные центры, в столичные клиники, приглашали из Москвы консультантов по терапии доктора Войта. Гимнастика, разработанная этим врачом, очень помогала детям с ДЦП. Когда Катя была маленькой, никто даже не слышал об этой гимнастике, да и о многих других методиках, которые такгодились бы. Наука шагнула вперед и стала доступнее.

Игнат давно перебрался в Москву, но года три назад вдруг объявился, предложил встретиться.

– Неплохо сохранилась, – сказал он Лене.

– Ты тоже не сильно постарел, только облысел.

«Спросит ли о дочери?» – думала Лена. Не спросил. Принялся говорить о том, что приехал на открытие храма, на который много пожертвовал. Хвастался знакомством с высшими иерархами православной церкви, их благословением. «Чем больше ханжей ударится в религию, – мысленно усмехнулась Лена, – тем меньше порядочных граждан придут в церковь». Но вслух она сарказма не выказывала. Завела речь о том, что если Игнат такой праведник, пусть пожертвует в фонд детей, страдающих тем же недугом, что их дочь. У фонда есть сайт, там выложены фото всех жертвователей и благодарности родителей с отчетами, на что потрачены деньги. Игнат не раскошелится. Больше они не виделись.

Отчитываясь перед Куститской, Антон не признался в провале попытки взять интервью – наврал, будто у него сломался диктофон. Какая может быть премия за то, что его выставили из дома!

– Придется восстанавливать рассказ Елены Петровны Храпко по памяти, – говорил Антон. – Но на память я не жалуюсь.

– Хорошо, – согласилась Полина Геннадьевна. – Но чтобы в будущем таких накладок не случилось! Мне нужны пленки.

Антон положил трубку и в который раз подумал, что интонации Куститской, манера отдавать приказы совершенно не свойственны неутешным вдовам. Так ли уж она горюет? Возможно, собирает сведения, чтобы нейтрализовать вероятных наследников. Антону мотивы Куститской безразличны, лишь бы гонорар отстегнула.

Девушка из богатой семьи

В воскресенье Антон обедал у мамы. Она завела привычную песню: мол, ему пора жениться, остепениться и плодиться.

– У нас с отцом в твоём возрасте уже было двое детей, – мягко упрекала мама.

– Папе повезло, – увиливал Антон. – Если бы я встретил такую женщину, как ты, ни минуты бы не раздумывал. Мама, ты, случайно, не знала Куститского?

Антон спросил, чтобы перевести разговор на другую тему, и застыл с открытым ртом, когда мама ответила:

– Игната? Прекрасно знала. Моя одноклассница Юля Воронина вышла за него замуж.

– Не может быть! – воскликнул Антон.

– Что тебя удивляет? И почему ты заговорил о Куститском?

Антон пропустил мимо ушей мамины вопросы и задал свои:

– Ты поддерживаешь отношения с Ворониной? Мне нужно взять у нее интервью. Можешь мне устроить с ней встречу?

– Отношений не поддерживаю, но перезваниваемся иногда. Что за интервью?

– Мне нужно, чтобы Воронина рассказала о своем первом муже, о Куститском.

– Пишешь про него статью? – предположила мама. – Какой-нибудь столичный журнал заказал?

– Вроде того. Мама, а каким Куститский был в молодости?

– Не для печати, – с кривой усмешкой ответила мама. – Игнат был изворотливым скользким типом. Весьма обаятельным. Из тех, что по трупам пойдет к своей цели. Он был женат на известной спортсменке, которую бросил ради Юли. Она, по тем нищим временам, в золоте купалась: папа – секретарь обкома партии, мама – директор ресторана. Тут тебе и связи, и машины-квартиры, и курорты-санатории. Они потом в Москву переехали. Когда перестройка началась, Юлин папа власть потерял, а мама чуть в тюрьму не загремела. Игнат с Юлей развелся и женился на какой-то столичной штучке. Впрочем, Юля не бедствует. Домой вернулась, у ее мужа строительная фирма «Золотой ключ».

– Сергей Скворцов ее муж?

– Да. Юлька одну птичью фамилию сменила на другую.

– Сколько ей лет?

– Как мне, наверное, пятьдесят три. Или пятьдесят четыре. Юля очень милая и приятная женщина. Ее, конечно, с детства сильно баловали, – единственная дочь. И потом как сыр в масле каталась. Парниковое создание, хрупкое и нежное.

- У них были дети?

- Нет, Юля сама как ребенок. Она привыкла быть игрушкой в чужих руках. Дети - это ответственность, а Юле ничего крупнее собачки болонки поручить нельзя.

- Мама, ты позвонишь Скворцовой? Как ее? Юлия?..

- Отца звали Юлием Петровичем. Она Юлия Юльевна, язык сломаешь.

- Позвони прямо сейчас, пожалуйста!

- Твою бы настырность да на благое дело!

Юлия Юльевна, которую после приветствия и общих фраз мама Антона попросила встретиться с сыном и рассказать об Игнате, растерялась.

- Я не знаю, - тянула она. - Игнат ничего не говорил про интервью. Он сейчас в Африке отдыхает. А про что мне рассказывать? Нужно у Сергея спросить, если он не будет возражать. Поговорите с ним?

Антону пришлось получать благословение у Скворцова. Не упоминая вдову и факт смерти Куститского, Антон объяснил, что ему заказан цикл очерков об Игнате Владимировиче. Предполагается издание отдельной книги.

- Почему Куститский нас не предупредил? - настороженно спросил Скворцов и сам же ответил: - Что-то вроде сюрприза?

- Совершенно верно.

- Коллег по бизнесу и партнеров тоже опрашиваете?

- Этим занимается другой журналист, моя часть - личная жизнь Куститского. Сами понимаете, я не могу пропустить Юлию Юльевну. Это произведет странное впечатление на вашего партнера.

Проговорив последние слова, Антон замер. Верно ли он угадал, что у Скворцова общий бизнес с покойником? Верно! Скворцов согласился, назначил время и сказал, что и сам будет присутствовать на интервью. Последнее уточнение Антона не обрадовало, но возражать он не стал. По слухам, Скворцов был крутым дядькой.

Парниковое создание выглядело совсем не так, как рисовалось Антону. Он представлял себе чахлый цветок – бледную немощь с нюхательной солью в руках. Впрочем, и спортсменка состояла не из мышц, а из сплошного жира. И мать-одиночка оказалась красавицей, а не затюканной теткой. Наверное, Антон плохо разбирается в женщинах. Уточним – в дамах постбальзаковского возраста, мужского интереса к которым не испытывает по определению.

Юлия Юльевна была маленькой пухленькой блондинкой с румяными щеками. Она точно состояла из надувных шариков или из мягких бубликов и крендельков. Аппетитненькая булочка, так и хочется ущипнуть. Ей бы сниматься в рекламе молочных продуктов. В противоположность жене, Скворцов был угловат, кряжист и шкафоподобен.

Антон принимали в шикарной гостиной, на маленьком столике стояло угощение: печенье, бисквиты, конфеты, засахаренные фрукты, орешки. Хозяева спросили, что он будет пить, и домработница принесла ему кофе.

Никаких разминочных бесед. Скворцов с ходу спросил:

– Будете записывать на диктофон?

– С вашего позволения, – Антону ничего не оставалось, как достать тайное записывающее устройство.

– Начинайте, – скомандовал Скворцов.

– Юлия Юльевна, как вы познакомились с Игнатом Владимировичем?

– Что вы имеете в виду?

– Он тебя спрашивает, где вы познакомились, – пояснил вместо журналиста Скворцов.

– В молодежном лагере.

– И как развивались ваши отношения?

Юлия Юльевна растерянно посмотрела на мужа. На этот раз он не пришел ей на помощь.

– Расскажите о впечатлении, которое произвел на вас Игнат, – уточнил Антон.

– Он произвел на меня хорошее впечатление.

– Нельзя ли конкретнее?

– Я не помню.

«Облом, – мысленно запаниковал Антон. – При Скворцове она ничего толком не скажет. Ситуация идиотская: при втором муже вспоминать любовь с первым».

Скворцов, очевидно, пришел к тому же выводу. Он посмотрел на часы и поднялся.

– Оставлю вас. У меня дела. Перед публикацией, – обратился он к Антону, – принесите мне материал для визирования.

– Непременно, – кивнул Антон.

И про себя подумал: «Разбежался!»

После ухода мужа Юлия Юльевна не сразу расслабилась. Антону пришлось болтать на посторонние темы, вспомнить свою маму, которая-де прекрасно отзывалась о школьной подруге. Со словами: «Не будем формалистами» – он убрал диктофон в карман, хотя кнопку «стоп» не нажал. Наконец пышечка созрела, и Антон вернулся к вопросу об их знакомстве.

Юлия Юльевна улыбнулась своим воспоминаниям:

– Это было романтично и нелепо. Мы пошли в лес небольшой компанией. Дурачились, смеялись. Я запрыгнула на небольшой пенек, развела руки в стороны и воскликнула: «Какой чудесный день!» Потом спрыгнула. И! Представляете, подвернула ногу. Правда, смешно? Только что восхищалась, а через секунду валяюсь на земле и плачу от боли. Игнат нес меня до лагеря на руках. Сначала вот так, как невесту, – Юлия Юльевна вытянула руки, показала. – А потом он устал, но не соглашался передать другому мальчику. И я перебралась к нему на закорки, обняла за шею, он держал мои ноги. Так и прибыли в медпункт. Там фельдшерица сказала: «растяжение». Но Игнат настоял, чтобы поехать со мной в город, сделать рентген.

– Вывих?

– Настоящий перелом! – возразила Юлия Юльевна. – Гипс наложили, домой отправили. Папа с мамой перепугались ужасно, ведь я такая неловкая была, как слоненок. Игнат меня часто навещал, обязательно с каким-нибудь сюрпризиком-подарочком приходил. Я в молодости очень смешливая была.

Юлия Юльевна постоянно употребляла глагол «была»: в молодости она была смешливая, наивная, неловкая, восторженная. Она говорила не «я удивилась», а «я была удивлена», не «я поразилась», а «я была поражена». Антон иронизировал мысленно: «Была-была, а теперь закончилась?» Все, что поведала Юлия Юльевна о первом муже, Антон назвал бы «пургой» – общие слова, штампы, банальщина. Слащавые до приторности воспоминания Юлии Юльевны были бы объяснимы, знай она о смерти Куститского, но Антон держал язык за зубами. В саге о безоблачных отношениях Юли и Игната лишь рассказ о сватовстве имел драматический нерв.

Юле только исполнилось восемнадцать, она окончила среднюю и музыкальную школы. Родители считали, что замуж ей выходить рано, хотя к Игнату относились доброжелательно. Игнат пришел просить руки Юли в красивом костюме, при галстук и с букетом роскошных цветов – не для Юли, а для ее мамы. Жених был сдержанно взволнован, как перед ответственным экзаменом. Торжественный настрой Игната польстил родителям Юли, а ее саму привел в трепет – она никогда не видела Игната официальным и по-деловому собранным.

Когда Игнат попросил разрешения поговорить с отцом Юли наедине, она почувствовала себя страшно взрослой и важной, не могла удержаться от нервного хихиканья. За что мама шикала на дочь: «Тише ты!» Они обе подслушивали за дверью.

Речь Игната сделала бы честь какому-нибудь положительному во всех отношениях и благородному до мозга костей герою из фильма. Например, адвокату, отстаивающему права сирых и убогих. Юля и ее мама не относились к сирым и убогим, но в конце выступления Игната прослезились.

– Юлий Петрович, я пришел просить руки вашей дочери, – говорил Игнат. – Прекрасно знаю, что Юлечка еще очень молода. Только выпорхнула из школы и торопиться в ЗАГС? На вашем месте я никогда не дал бы на это своего благословения.

– Тогда почему просишь? Может, у вас было?.. – напрягся Юлий Петрович.

– Боже упаси! Юля для меня священное неприкосновенное создание. Мое предложение руки и сердца продиктовано тем, что я, извините, несколько лучше знаю вашу дочь с той стороны, которая вам в силу объективных обстоятельств неизвестна. Кроме того, и о нравах современной молодежи я прекрасно осведомлен. Юленька – существо нежное, доверчивое и ранимое. Она настолько чиста душой и телом, что легко становится добычей ушлых проходимцев. Поверьте, мне не раз приходилось едва ли не силой отгонять от нее корыстных типов как мужского, так и женского пола. Юля – лакомая добыча, с помощью которой можно поближе подобраться к вам и к вашей супруге. В определенном смысле Юленька – наследная принцесса, а к царскому двору всякий хочет примазаться. Был бы у Юли иной характер, твердый и жесткий, умей она разбираться в людях, тревожиться не стоило бы. Но Юля исключительно доверчива, вскружить ей голову легче легкого. Я очень люблю вашу дочь и готов ждать ее пять, десять лет – сколько потребуется. Мне не нужны ваши связи и возможности, я обладаю достаточной волей и целеустремленностью, чтобы занять достойное положение в обществе и обеспечить свою жену по высокому разряду. Если бы Юленька была дочерью уборщицы или сиротой, мои чувства нисколько бы не изменились. Откровенно говоря, мне было бы даже проще.

– Ты ведь уже был женат?

– Да. Как говорится, ошибка молодости. Вы ведь знаете, как случаются ранние браки.

– Девка дала, обязан жениться?

– Вот именно. Моя бывшая жена Оксана – прекрасный человек, спортсменка. Но спортом ее интересы и ограничиваются. Я не бросал жену, просто мы оба поняли, что совершили ошибку, что мы разные люди и лучше исправить эту ошибку сейчас, мирно и спокойно. Юлий Петрович! Объективно говоря, формально подходя, я не лучший кандидат в мужья для Юли. Мало того, что был неудачный брак, так еще и запись в паспорте...

Игнат замолчал, словно не решался сказать о чем-то мучительном.

Юлий Петрович не выдержал:

– Про какую запись ты говоришь?

– У меня якобы есть ребенок.

– Чего?

– Выслушайте, пожалуйста! Милую девушку, с которой я был едва знаком, соблазнил негодяй, девушка забеременела. Подчеркиваю! Никогда и никаких близких отношений у нас не было! Ребенок родился страшно больной, не мог сосать, глотать и вообще был весь перекореженный. Врачи сказали – не жилец, давали ему максимум два месяца. Не знаю, почему эта девушка выбрала меня. Она пришла, упала передо мной на колени, рыдала, умоляла фиктивно признать ребенка как своего. Несчастная, она не хотела, чтобы ребенок умирал безотцовщиной. Я не смог отказать убитой горем женщине, прогнать ее на улицу. Подумаешь, рассуждал я, несколько недель буду числиться отцом.

– Малец выкарабкался? – предположил Юлий Петрович. – А ты попал как кур в ощип?

– Вы правильно угадали. Ситуация нелепейшая. Не могу же я злиться из-за того, что несчастное создание не погибло? Желать смерти врожденному дебилу,

которого кормят через трубочку, воткнутую в желудок? Подать в суд, чтобы экспертиза доказала мое неотцовство? Тогда зачем добровольно признавал его? Лучше уж откуплюсь.

– Ага! Тугрики она все-таки запросила?

– Да, плачу алименты ежемесячно. Но речь даже не о деньгах, в конце концов, материально помогать одинокой матери, воспитывающей инвалида, не зазорно. И мое глупое благородство не волновало меня, пока не встретил Юлю и не полюбил ее. Меня пробирает ужас при мысли, что с Юлей может случиться нечто подобное. Я живу в постоянном страхе за Юлю. Сейчас она поступит в институт, и я не смогу охранять ее двадцать четыре часа в сутки. Конечно, защита отца, ваше имя играют очень большую роль. Но не абсолютную! Только муж способен обеспечить настоящую безопасность. Статус замужней женщины – это броня, на которую мало кто покусится. Даже если вы откажете нам, я не отступлюсь. За Юлю я перегрызу глотку, поломаю ноги, в лепешку раздавлю. Юленька совершенно уникальный, особенный человек, таких не существует на свете и никогда не существовало. Ее надо беречь как зеницу ока, как ценнейший бриллиант, как нежнейший цветок.

– Это ты верно сказал.

– Юлий Петрович! Я исключаю любые варианты интриганства за вашей спиной. Мы никогда не переступим порога ЗАГСа без вашего благословения и согласия. Нам нужна настоящая семья, с детьми, не в ближайшее время, естественно, – заверил Игнат, – с заботой о состарившихся родителях. Я вполне зрелый человек, а Юлечкино взросление буду наблюдать вместе с вами терпеливо и счастливо.

Юлия Юльевна закончила рассказ словами: «Вот так мы поженились. У меня было великолепное подвенечное платье».

– Значит, вы знали про ребенка Игната? – уточнил Антон.

– Это был ребенок только на бумаге. Я была потрясена благородством Игната.

- Вы знаете дальнейшую судьбу ребенка?

- Мальчик вскорости умер.

«Девочке под сорок, - подумал Антон. - И я видел ее два дня назад».

- Удобно ли будет спросить, почему у вас не было своих детей?

- Бог не дал, - отвела глаза в сторону Юлия Юльевна.

- Через несколько лет вы переехали в Москву? Расскажите о столичной жизни.

И снова посыпались общие слова: жили хорошо, было много друзей, симпатичная квартира и большая дача, ездили отдыхать в соцстраны. Юля разводила комнатные цветы, у нее были даже орхидеи, по тем временам большая редкость. И еще собачки...

Антон терпеливо выслушал про собачек и спросил:

- Почему вы развелись?

Юлия Юльевна беспомощно захлопала глазами.

- У Игната Владимировича появилась другая женщина?

- Да.

- Вы очень переживали?

- Немножко очень.

Юлии Юльевне была неприятна эта тема, но сказать об этом прямо она не решалась.

- Как Игнат Владимирович объявил о разводе?

- Пришел и сказал.

- Вы расстроились? Для вас это было страшной неожиданностью?

- Конечно.

- А как отреагировали ваши родители?

- Извините, Антон, мне не хотелось бы вспоминать об этом.

- Всего пару слов! Кем была ваша разлучница?

- Хотите еще кофе? Или, может быть, чаю?

Антон решил пустить в дело тяжелую артиллерию.

- Юлия Юльевна, я настойчив, потому что вы не знаете всего. Игнат Владимирович трагически погиб в Африке. Книга, для которой я собираю материал, будет его посмертной памятью.

- Тем более незачем говорить о разводах, - автоматически и вполне здраво заметила Юлия Юльевна.

До нее как будто не сразу дошло, но через несколько секунд она застыла с округлившимися глазами.

- Игнат умер? Какой кошмар! Надо немедленно сообщить Сереже. Почему вы ему ничего не сказали? Сергей будет недоволен.

Антон надеялся, что шокирующее известие взволнует Юлию Юльевну и подвигнет на откровенность. Но Антон просчитался. Юлию Юльевну в первую очередь беспокоила реакция нынешнего мужа. Она позвонила ему и принялась охать-ахать.

Антон отклонялся, не дожидаясь, пока Скворцов потребует от него уточненной информации.

Положив трубку, Юлия Юльевна прислушалась к себе. Сердце тревожно стучало, щеки горели, но слезы на глаза не наворачивались. Месяц назад умер ее пес, королевский пудель Гоша. И, хотя он умер от старости и смерть стала для него избавлением от мучений, Юля плакала каждый день. Проводит мужа на работу и в слезы. За несколько часов до прихода Сергея старалась не рыдать, чтобы ушла краснота из глаз. Муж, конечно, не осудил бы ее, но сильно расстроился. А тут скоропостижно умер человек, с которым она прожила двенадцать лет, и... ни слезинки.

Она не скажет подруге, что ее сын – журналист Антон – не очень приятный молодой человек, настырный и неделикатный. Выспрашивал об Игнате, не обмолвился о его смерти. Разве воспитанные люди так поступают? Она, Юля, произвела на Антона впечатление пустоголовой клуши, вроде чеховской Душечки. Сергей говорит, что она всегда производит то впечатление, которого от нее ждет человек. С этим не поспоришь. Для мамы и папы Юля была послушной пай-доченькой, которую они бесконечно баловали, задаривали всем, чего сами были лишены в детстве. Для подруг Юля была мягкой подушкой, впитывающей слезы их страстей и драм. У самой подушки какая личная жизнь и драмы? Для Игната она была частью красивого домашнего интерьера и достойным эскортом за стенами квартиры. Кем она была для Сергея, Юля определить не могла.

Однажды после похода в гости, где Юля покорно слушала чванливое хвастовство одной из женщин, Сергей воскликнул в сердцах:

– Ты ведь умная женщина! Почему ты никогда не можешь быть самой собой?

– Я не умею, – ответила Юля.

Ее папа, хотя и носил имя далеко не русское народное, любил вспоминать, что он от земли, из крестьян. Они с мамой были от земли в буквальном смысле – выросли в страшной деревенской бедноте, в домах с земляным полом. Их детство пришлось на лихие предвоенные и военные годы. С рождения голодные, они мечтали о единственном лакомстве – кусочке сахара, шоколад и пирожные существовали только в книжках. Вырваться из нищего колхоза было невозможно – паспортов не давали, бежать без документов в город рисковали только самые отчаянные. Юлию помогла армия. В конце службы он завербовался на

комсомольскую стройку. Через год приехал на родину, женился на Клаве и увез ее на строительство большой сибирской ГРЭС. Они жили в бараке, продуваемом всеми ветрами, клетушки семейных пар отделялись тонкими фанерными перегородками, а то и просто ситцевой занавеской. И все-таки это была свобода, счастье. Юлий и Клава всегда были заводилами. Он – гармонист, она – певунья. Активные, легкие на подъем, работающие с огоньком, неунывающие в самых сложных ситуациях молодожены становились душой любой компании. На стройке они окончили вечернюю среднюю школу и вступили в партию, что открывало большие перспективы. Юлий начинал подсобником бетонщика, а стал мастером. Клава устроилась посудомойщицей в столовую, а через год уже была кладовщицей. Лидерские качества Юлия проявились еще в армии, он был комсоргом батальона, роты. И на стройке активно занимался общественной работой. В какой-то момент сделал судьбоносный выбор – ушел с производства на должность освобожденного секретаря райкома партии. Больше он никогда не работал на заводах, а его партийная карьера стремительно набирала обороты, чему способствовали обстоятельства, складывавшиеся до поразительности выгодно.

Как-то девятиклассница Юля писала дома сочинение по комедии Грибоедова «Горе от ума», мама пришла звать ее обедать, заглянула в тетрадь и выхватила взглядом цитату к образу Склялозуба: «Довольно счастлив я в товарищах моих, вакансии как раз открыты: то старших выключат иных, другие, смотришь, перебиты». Мама не поняла иронии автора, клеймившего тупого служаку.

– Вот и у нас с отцом так было, – сказала Клавдия Ивановна.

– Как, мама? – не поняла Юля.

– Многих по возрасту браковали, а другие на пьянке или аморалке горели, вот отец и поднялся.

Счастливым билет выпал Юлию, когда пришла разнарядка в Высшую партийную школу при ЦК КПСС. О подобном шансе он и мечтать не осмеливался, но получил его. Четыре года в Москве поменяли представление родителей Юли о достойном существовании. Теперь они убедились в справедливости народной мудрости: не боги горшки обжигают, – и знали, к чему стремиться. При этом они не жаждали зацепиться в столице, лучше быть первым в селе, чем последним в городе. Хотя Клаву, окончившую вечернее отделение пищевого института и работавшую завпроизводством в кафе-ресторане, уговаривали остаться. Таких трудяг, как

она и Юлик, в любом месте с руками оторвут.

Высшая партийная школа давала путевку не просто в жизнь, а в жизнь привилегированную. Юлия распределили в обком партии города Багров на должность заведомо промышленности. Область была некрупной, дотационной российской глубинкой, но верхнему эшелону власти жилось в ней привольно. Юлий Петрович через несколько лет дослужился до секретаря обкома – высшей точки своей карьеры. Клавдия Ивановна трудилась бессменным директором большого ресторана. Их голодное детство наложило невытравляемый отпечаток на стиль жизни, главным смыслом которой было накопление материальных благ.

Воронины жили в собственном доме, среди таких же частных владений городской знати. В народе это место называли дворянским гнездом. К моменту женитьбы Игнат был небедным человеком, но даже его поразило богатство свекров. У Клавдии Ивановны под половицей в спальне имелся тайник: две трехлитровые банки, набитые золотыми украшениями, сберкнижки на предъявителя и стопки купюр, завернутые в наждачную бумагу – от мышей. «Сейф» мужу показала Юля. Она смеялась: «Тебе досталась богатая женушка. Только нам ведь ничего не нужно, правда? Дороже любви ничего на свете нет». Игнат с готовностью согласился. Интерьер дома соответствовал вкусам Ворониных: стены и полы в коврах, без ковров только потолок. Серванты забиты хрусталем, шкафы ломятся от дорогой одежды. Под домом находился огромный подвал. Когда Игнат туда впервые спустился, обомлел. Подвал был забит продуктами в промышленных количествах. Бочки с квашеной капустой, солеными огурцами и помидорами, с грибами. Мешки с крупами, мукой, макаронами. Ящики с мясными и рыбными консервами, сливочным маслом, халвой. Стопки коробок конфет, батареи бутылок вина, водки, пива. С потолка свисают гроздь сырокопченых колбас и окороков. «Как на подводной лодке», – только и мог сказать Игнат. Четыре человека физически не могли все это съесть, поэтому испортившиеся продукты шли на помойку – в углу участка была яма, куда сваливали гнилье и присыпали землей. Если в Москве допущенная к спецраспределителям номенклатура платила за дефицитные продукты копейки, то провинциальные бонзы все получали даром. Раз в неделю к дому Ворониных подъезжали маленькие грузовички: с молокозавода привозили сметану в баллонах, ящик молока и кефира, с мясокомбината – колбасы и парную вырезку, с хлебозавода – торты и так далее. Клавдия Ивановна не тащила с работы «усохшее» и «утрясенное» – оно сбывалось через магазины, чистая прибыль текла в наличности.

Хотя так жили все в «дворянском гнезде», Игнат относился настороженно к безудержному воровству. Не по моральным соображениям: мол, простой народ в магазинах давится за селедкой, а тут осетрину на помойку выбрасывают. Игнат опасался, что этот коммунизм плохо кончится, стоит верхушке зашататься, и полетит вся пирамида, приземлившись за колючей проволокой. Но до перестройки оставалось еще более десяти лет. Родители Юли относились к Игнату как к любимому, но приبلудному сыну. Удовлетворение прихотей зятя не исключало пристального к нему внимания, каждый его шаг, жест, слово анализировались с точки зрения благонадежности и трепетного отношения к жене. Папа с мамой лелеяли Юленьку, и супруг был обязан подхватить эстафету. Юля купалась в любви, и ей очень нравилось быть взрослой – замужней женщиной с обручальным кольцом на пальце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/natalya-nesterova/celuyu-ruchki>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)